

ХРОНОЛОГИЯ НАБЕГОВ КАЗАНЦЕВ 1521–1549 ГГ.

Аннотация: В статье рассматриваются сведения о набегах со стороны Казанского ханства в 1521–1549 гг. Произведено обобщение разнородных источников по этим событиям. Предложена хронологическая реконструкция.

Ключевые слова: Русское государство, Казанское ханство, разрядные книги, местное летописание, посольские книги.

По русско-казанским войнам XV–XVI вв. написано много работ. Однако исследованы в первую очередь русские походы на Казань. Менее разработанными являются казанские походы на русские земли в 1520–40-е гг. Причиной этого является то, что источники по ним представлены в разрозненном виде. Изначально казанские набеги описывали в общих работах на основании официальных летописей. Однако есть много других источников: местные летописцы, разрядные книги, посольские книги и др. Некую общую картину на основе различных летописей пытался создать Г. З. Кунцевич в своем исследовании по Казанской летописи¹. Различные источники о казанских набегах 1530–40-х гг. обобщил С. О. Шмидт². Затем цельную хронологическую картину на основе летописей, разрядных книг и других документов создал В. В. Каргалов³. Максимально большое количество сведений из источников обобщил А. Г. Бахтин⁴. Однако просто группировка сведений из источников не может создать точной картины. Дело в характере самих источников.

Они могут содержать искажения в датах. Из последних работ, в которых производится разбор источников, уточнение хронологии, топографии и политических моментов во время казанских набегов 1530–40-х гг., следует назвать статьи М. А. Несина⁵.

В данной работе с целью составления хронологии будет осуществлена попытка сделать внутренний анализ и сопоставление всех источников. Будет использован методологический принцип, что сообщения о набегах на одном направлении можно уверенно признавать разными событиями, если соответствующее количество упоминаний есть в одном источнике (без следов дуближа, проверяемого текстологическим сравнением). Иначе есть большая вероятность, что речь идет об одном событии, по-разному отображенном и хронологически смещенном в разных источниках.

Сразу следует сказать о данных по численности войск, которые будут встречаться в рассматриваемых источниках (в русских летописях и татарской посольской грамоте). Они не имеют документальной базы, и можно утверждать, что обычно преувеличены на порядок. Единственно, эти числа осторожно можно использовать, примерно представляя соотношение численности войск, указанных в одном источнике. Критический разбор этих данных произвел М. А. Несин⁶.

¹ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 308–313.

² Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 228–234.

³ Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 57, 66, 71, 113–125.

⁴ Бахтин А. Г. XV–XVI вв. в истории марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 69–103.

⁵ Несин М. А. 1) Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 7. 2015. С. 116–120; 2) К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. // История военного дела: исследования и источники. Т. X. 2019. С. 432–491.

⁶ Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. С. 462–463, 468–470.

Следует так же осторожно принимать и оценку источниками результатов боестолкновений. «Стратегия набегов» объективно предполагала не концентрироваться на осадах и сражениях. Неоднократно упомянутые 3-дневные осады не имели первостепенной цели взять город, это была скорее блокада на период опустошения окрестностей (крепости, если получалось, брались изгоном). Следует отметить, что термин «приступали» не означал собственно штурмы – так могли обозначать и «огневые» атаки. Полевые столкновения у сторон имели разные цели – «набеговое войско» имело цель захватить полон и добычу, с противником сходиться только при благоприятных обстоятельствах, уклоняясь от боя или выходя из него; «обороняющийся стороне» уже нужно было как можно скорей вытеснить или разбить противника, отбить полон и добычу, т. е. объективно стремиться к столкновениям, но нужно было опасаться ловушек (при этом могли быть ситуации, когда имело смысл вступить в бой даже при невыгодных условиях, дабы сбить направление и темп движения противника). Упоминание гибели и пленения командиров не говорит о масштабе потерь – только об интенсивности схватки. При такой маневренной войне, по кратким сведениям, сложно оценить характер и результат упомянутых в источниках битв. Поэтому в настоящей работе будут сведены данные по перемещениям и сосредоточениям сторон, фактам «соприкосновений» (осады, нападения на населенные пункты, полевые столкновения).

Многие произведения о казанских набегах, созданные монастырскими или светскими книжниками, имеют яркий художественный стиль, эмоционально описывая события. Подобного в таком объеме нет по отношению к набегам со стороны Поля. Это во многом объясняется тем, что зона набегов включала обширные территории монастырской колонизации. Однако это уже является областью исследования «образа врага» и в целом восприятия людьми той эпохи военных действий.

Официальное летописание

Базовыми источниками для хронологии Казанских войн являются официальные московские летописи, составленные вскоре после событий и дошедшие в оригинальных списках. Даты и тем более года сообщений в них зафиксированы точно, и все наиболее значимые события так или иначе отмечены. Поэтому все иные источники хронологически следует проверять по официальному летописанию. Хотя и там возможны некоторые неточности.

О походах казанцев в 1520-е – начале 1530-х гг. в московских летописях ничего нет. Но там (например, в Никоновской летописи) можно узнать ключевые даты казанских войн. К весне 1521 г. относится «измена казанских князей»⁷, которая стала началом войны. Ее окончание четко не определено, но весной 1523 г. в Казани был убит русский посол и другие государевы подданные⁸. Это было началом новой войны или новой фазы войны. Начались русские походы (рейд судовой и конной рати на «казанские места» и строительство Васильгорода на Суре в августе-сентябре 1523 гг.; поход на Казань весной-летом 1524 г.). Осенью 1524 г. начались мирные переговоры⁹. В 1530 г. состоялся новый большой поход на Казань, после чего опять начались мирные переговоры¹⁰.

После приезда представителей оппозиции из Казани осенью 1531 г. «посоветовав князь велики о том с бояры, что ему пригоже отпустити Шигалея царя и послов в Нижней Новгород, и тое же осени декабря 10 отпустил князь великий Шигалея царя и послов в Нижний Новгород». 17 мая 1532 г. в Москву пришло известие о свержении Сафа-Гирея¹¹. Был поставлен на престол русский ставленник Джан-Али.

Основным источником по событиям раннего периода правления Ивана Грозного является «Летопись начала царствования» (составлена в начале 1550-х гг.). Под 1535 г.

⁷ ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 37.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ Там же. С. 43-44.

¹⁰ Там же. С. 47, 54.

¹¹ Там же. С. 56.

Глава об убиении казанского царя. «Тоя же осени месяца октомврия в 4 день приехал ис Казани к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси на Москву Фетко Тимофеев сын Девочкина новгородец, а послан бысть в Казань с Федором з Беззубцовым. А сказал великому князю и его матери великой княгине, что Ковгоръшад царева и Булат князь в головах и все уланы и князи и вся земля Казанская великому князю изменили, Яналея царя, которого им князь великий Василей Иванович всеа Руси дал им на Казань царем, и князи казанские, выпустив его из Казани на Иски-Казани велели его убити, месяца сентября в 25 в субботу перед Покровом святей богородицы, а на Казань взяли из Крыма Сыфа-Кирея царевича на царство. Того же месяца 17 послал князь великий в Казань ко царевне и князем з грамотою своего сына боярского молодшаго Данилка Смагина сына Деглина да татарина казанского Бичелея, взяв у Довлетчара у казанского гонца.

О Шигалее царе. Того же месяца 25 приехали к великому князю на Москву казаки его городецкие татарове Евгастей Итаков с товарищи, а были на Волге, сто человек их, а сказали великому князю, что казанские князи Шабас Епанчин да брат его Шабалат да Карамыш з братом с своим с Евлушем, Хурсуловы братья, а с ними князеи, мурз и казаков шестьдесят человек из Казани вышло, и к ним на остров из судов выходили и стояли и говорили и приказали к великому государю: «Ковгоръшад царева и Булат князь в головах и все уланы и князи великому князю изменили и Яналея царя убили, а на Казань взяли царем из Крыма Сафа-Кирея царевича. А нас в заговоре казанцов кнезеи и мурз с пятьсот человек, и мы, памятучи к собе отца его жалование великого князя Василя Ивановича и его жалование великого государя Ивана Васильевича да и свою правду, на чем есмя ему шерть дали, и мы государю хотим служити великому князю прямо. И государь бы нас пожаловал, Шигалеи у великого государя на Москве и мы ся совокупим с своими советники, ко в

Казани, тому царю крымскому в Казани не быти»¹².

«Тоя же осени ноября в 28 день приехали ис Казани к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и его матери к великой княгине Елене Данилко Смагин, а привез от царя и от князеи казанских грамоты, а сказал великому князю и его матери, что царицы Сафы-Киреева царева, а Момаева дочь, из нагаи в Казань приехала, а ездил по нее Табаи князь, а с нею Табаои князь не приехал в Казань, а того ведома нет, где ся дел.

О Мещерском граде. Тоя же осени декаврия в 17 князь великий Иван Васильевич и мати его великая княгини Елена повеле град зделати древян в Мещере на реке на Мокъше, на месте зовомом Рунза, того ради, что в тех местах несть градов в близу. И доделаи тоя же зима в марта в 27 день. [это был город Кадом; Рунза соотносится с речкой Ромзой – прим. авт.].

О Казанских татарех. Того же месяца декабрия послал князь великий и его мати казанских мест воевати воевод своих князя Семена Гундорова да Василя Замыцкого <...> И воеводы, пошед от Мещеры, пришли к Суре и на шли на смыгу татар казанских, а татарове идут на нижегородские места. И князь Семен и Василю Замыцкою на татар не поворотили, ни казанских улусов не пошли воевати, ни великому князю с вестью вскоре не послали, но возвратилися в Мещеру. А татарвое пришед безвестно на нижегородские места, ноци, на сонные люди декаврия 24 дня повоевав да и прочь пошли. И Низжънего Новагорода воеводы за ними пошли, а чаяли воеводы, что татарове придут к мещерским воеводам, а они ззади, а князь Семен Гундоров и Василю Замыцкою, дождавсья татар, пришли в Мещеру. И князь великий и мати его нижегородским воеводам велели воротитися, а по князя Семена и по Василя послали в Мещеру и велели им быти на Москву. И как приехали из Мещеры на Москву, и князь великий и мати его великая княгини положили гнев свои и опалу на князя Семена да на Василя, велели их

¹² ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965. С. 20.

посадити в темницу, да в страх и в наказание иным будет.

О Балахне. Тоя же зимы генваря в б день приходили казанские татарове многие люди на Балахну безвестно пришед дворы зажгли, и черные люди балахонцы собравсья на них выли, и грехом вскоре, а не умеючи воинского дела, и татарове множество крестьян побили. И воеводам великого князя в Нижнеи Новьгород весть пришла, что татарове на Балахне, и воеводы на них пришли; и татарове слышав великого князя воевод, часа того прочь пошли и с полоном со многим.

О казанских татаровех. Того же месяца генваря приходили казанские же татарове, многие люди, на нижегородцкие места, воеводам учинилася весть великого князя муромским и новгородцким, и князь Федор Мстиславской и нижегородцкие воевода против татар вышли и загонициков татар пятьдесят человек убили, и татар дошли на становищех в четверг под Лысковым. Того ради с татары дела не делали, что ночь пришла; ночи тое казанские люди побежали, а воеводы себе дрогнули, воротились в Новгород, а муромские в Муром вскоре, люди все, дал бог, здорово пришли.

О казанских татаровех. Того же месяца приходили татарове казанские и черемиса, многие люди в Коряково; и великого князя воеводы Семен Дмитриев сын Сабуров да Иван Семенов сын Карпов с детьми боярскими божьею помощью татар и черемису многих побили, а иных живых переимали и к великому князю на Москву прислали, и князь великий велел тех татар на Москве казнити. [Корякова слобода располагалась на левом берегу Волги, у впадения р. Ней в Унжу, напротив Юрьевца]. Того же месяца генваря 26 дня поставлен град на Литовской земле у Ржевского рубежа Заволочье.

О Буигороде. Того же месяца били челом великому князю и его матери из Костромского уезда волость Корега, Ликурга, Залесие, Борок Железной, чтобы государь пожаловал, велел поставити город того ради, что тамо волости многие, а от городов далече. И князь великий и матери его

великая княгини велели поставити на Кореге Буигород».¹³

«О городке Мещерском. Тоя же весны марта 29 дня повелением благоверного великого самодержца Ивана Васильевича всеа Русии и благочестивые и велемудрые великие государыни Елены, в третее лето государства его, преставлен город Темников на иное место, и на реке на Мокше же того ради, что был старои город мал и некрепок; и великая княгиня велела его прибавити и срубити новои город, а доделан того же лета, августа 2»¹⁴.

Июнь 1536 г. «Того же месяца 23 дня прислал к великому государю татарин его мурза Галдеи Городецкой, что посылал их князь великий на Волгу 500 человек беречи в Казань и из Казани посылки и во иные орды из иных орд присылок: пошел из Казани в иные орды Тебенек-улан и ним многие татарове казанцы, и великого князя казаки и многих казанцов татар побили, а Тебенька-улана поймали, и с ним 14 человек казанцов поймали, и на Москву привели к великому государю. И князь великий своих татар городецких казаков пожаловал. <...>

О Балахне. Того же месяца июля в 20 повелением великого государя Ивана Васильевича всеа Русии и его матери великие государыни Елены божьею милостью и царя государя почат град делати у Соли на Балахне того ради, что посад велик, а людей много. И князь великий и его матери берегучи велели град зделати Балахну землян, и доделан 45-го лета месяца октемврия. <...>

О казанских татарвех. Того же лета приходили казанские татарове на костромские места и на галичские, многие люди, и князь великий послал воевод своих Михаила Сабурова да князя Петра Пестрого княж Васильева сына Засекина. И воеводы не собравсья с теми людьми, что с ними были, да поскорили наехати на татар, а казанские люди многие люди великого князя разгонили, и по грехом князя Петра да Меньшика Полева убили, и многих детей боярских побили»¹⁵. Вариант данной летописи: «Того

¹³ Там же. С. 23-24.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 27.

же лета приходили Казаньские татарове на костромьские места и на галичские, многие люди, и князь великий послал воевод своих Михаила Сабурова да князя Петра Пестрого княже Васильева сына Засекина. И воеводы схилися с казаньцы на Куси на речке, а казаньские люди многие, грех ради наших и за многое неисpravление пред Богом людей великого князя побили, и по грехом князя Петра да Менишка Полева убили, и многих детей боярьских побили»¹⁶. В Воскресенской летописи, сразу вслед за сообщением о постройке Балахны, помещен другой вариант данного сообщения: «того же лета приходили казанские татарове многие на костромские места, и великого князя вьеводы князь Петр княжь Васильев сын Засекин Пестрый стол в заставе пришед на казанские люди не съеждався с людьми; и татарове их разоняли, и самого князя Петра да Менишка Полева убили, и слышав великого князя болиших вьевод и проч пошли».¹⁷

Январь 1537 г. «О приходе казанского царя под Муром. Того же месяца учали вести приходити к великому князю Ивану Васильевичу и его матери великой княгине Елене, что збирается казанкою царь Сафа-Кирей со с многими людьми с казанцы и со многими ордами, с крымцы и с нагаи, а поышалает идти на костромские месте и на галечские. И князь великий и мати его великая княгини, слышав то, послали воевод своих в Володимер и в Мещеру. Царь же казанской уведав, что на Костроме и в Галиче великого князя воеводы стоят со многими людьми, он злым лукавым, якоже змии вынырнув из хварастия, тако и сеи из леса прииде безвестно генваря 15, в понедельник, под Муром и пришел, посад пожег и к городу приступати начать. И великого князя воеводы не даша ему приступати, из пушек и из пицалеи из града биша их много, и воеводы великого князя из града такоже многих побили. А князь великий послал к воеводам в Володимер и Мещеру, а велел им идти в Муром, и воеводы по великого князя велению поидоша в Муром

против царя Казанского. Царь же казанский слышав, что воеводы великого князя из Володимеря и из Мещеры идут к Мурому противу ему, и царь пошел вскоре от Мурома в Казань»¹⁸.

В 1538 г., после требования со стороны укрепившегося на престоле крымского хана, «послал князь великий в Казань своего человека молодшего сына боярского Гордея Бреицина, февраля 22»¹⁹. Март. «Того же месяца 10 пришел посланник великого государя Ивана Васильевича всеа Руси ис Казани Грдей Берецын; а с ним вместе Сафа-Кирей царь прислал великому государю своего человека Усеина князя з грамотою, а писал царь в грамоте, чтобы пожаловал князь великий, похотел с ним быти в миру»²⁰. Затем началась череда обмена посольств, длившаяся вплоть до возобновления войны.

12 ноября 1539 г. из Казани вернулся в Москву посол Н. Девочкин вместе с ханским гонцом. «А писал царь в грамоте, что у них в Казани пришел слух и Усеин князь сказывал, что хочет князь великий послати людей своих под Казань, и от того ради не послал болиших своих послов. И князь великий отпустил царева человека Хозяша к его государю в Казань; да с ним вместе послал князь великий, по крымского царя прошению Саип Гирейя, своего посланика Урака Булатова сына, да крымского татарина Пашу с грамотою»²¹. Примечательно, что далее говорилось о послании крымскому хану, в котором высказывалась претензия за недавний набег, совершенный ханским сыном. В этом контексте в это время о начале новой войны с Казанью говорить не приходится. Далее, до 1542 г., не сообщается о дипломатических контактах с Казанью (при том, что дипломатические контакты в те годы освещены в летописи подробно). Это может говорить об активных военных действиях.

Декабрь 1540 г. «Того же месяца 18, в субботу, приходили под Муром казанский царь Сафа-Кирей со многими людьми казанскими и крымскими и нагаискими, пришел безвесто под город, стоял два дни, а люди многих

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 114.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 8. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 28.

¹⁹ Там же. С. 31.

²⁰ Там же. С. 32.

²¹ Там же. С. 36.

пороспустил около города сел воевати. И воевода градский и дети боярские муромские, которые были в городе, и люди градские против татар из города выходили и с татарами ся были, и божиим милосердием под городом ис пушек из пищали татар побивали. И как великого князя воеводам весть учинилася в Володимере, и воеводы пошли в Муром. А князь великий послал ко царю Шигалею в Касимов городок, а велел царю пойти к Мурому. И царь Шигалею пошел с своими татарами, и как пришел к Мецере, и наехал нагайских людей в загомах, и касимовские татарове многих загоначиков побили и полон русской отлучили, и нагайских татар к великому князю на Москву прислал. А иные загоначики много поплениша народа крестьянского, и сел пожгоша и святых божиих церквей около города Мурома. И как пришла весть царю казанскому, что него идет царь Шигалею и воеводы великого князя, и царь пошел от Мурома, а царь Шигалею и воеводы за ним не успели»²².

Июнь 1542 г. «Того же месяца 26 приехали великого государя посланник из Казани от Сафа-Кирея царя Истома Мартынов. А с ним вместе царь прислал к великому князю своего человека Исенкидея з грамотою, а писал царь в грамоте о миру»²³. Начались переговоры о мире.

Весной 1545 г. произошел первый при Грозном русский поход на Казань²⁴. В Казани начались внутренние брожения. И 17 января 1546 г. к государю во Владимир прибыло казанское посольство с известием о свержении Сафа-Гирея²⁵.

Летом 1546 г. Сафа-Гирей вернул себе власть в Казани. Зимой русские войска совершили набег до устья р. Свияги²⁶ – война возобновилась и шла до 1551 г. В октябре 1548 г. «приходили Казанские люди на галицкие места воевати, многие люди, а в больших у них был Арак-богатырь. И ходил за ними наместник костромской Захария Петрович Яковлев с товарищи и шел их на Езовке речке, на поле на Гусеве, и казанских людей побили воеводы великого князя всех на

голову, и Арак-богатыря убили, и иных казанских воевод побили; и многих живых ко государю прислал и с тою вестью Захария ко государю прислал Беляницу Зюзина»²⁷.

В списке «Летописца начала царствования» под августом 1539 г. (в конце записей за 7047 г.), после сообщения о переговорах с казанским ханом, есть вставка. «Увидев за грехи наше нестроение на Москве, и воевали казанцы в те годы по украинам государя нашего, никым взъбранями, и много христианства погубиша и грады пусты сътвориша. А воевали казанцы грады и пусты сътвориша: Новъгород-Нижней, Муром, Мецеру, Гороховец, Балахну, половину Володимеря, Шую, Юрьев Вольской, Къстрому, Заволжие, Галич с всем, Вологду, Тотму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многие лета»²⁸. Эта вставка, видимо, описывает все направления казанских походов за 1530–40-е гг.

В Воскресенской летописи (составлена в начале 1540-х гг.) сообщается, что в мае 1541 г. из Казани в Москву прибыли посланцы от оппозиции, недовольные засильем крымцев. «А казанского дела для отпустил боярина и вьведоу своего князя Ивана Васильевича Шуйского и иных вьведоу, и многих людей дворовых и городовых 17 городов, а велел воеводам стояти в Володимери, а в Казань обьсылатися»²⁹. После известия о приходе крымского хана. «А в Володимер послал к боярину своему и вьведоу к князю Ивану Васильевичу Шуйскому с товарищи, велеел им стояти в Володимери, а в Мецеру послал к царю к Шигалею, чтобы с князми и с мурзми и всеми людьми пошел в Володимер же, а с Костромы вьведоу своему князю Федору Ивановичю Шуйскому с товарищи велел идти к Володимерю с всеми людьми с царем сниматися»³⁰.

Посольские книги

Важным источником по событиям XVI в. являются посольские книги. В частности, там есть наказы государевым послам о том,

²² Там же. С. 38-39.

²³ Там же. С. 43.

²⁴ Там же. С. 46.

²⁵ Там же. С. 47.

²⁶ Там же. С. 49.

²⁷ Там же. С. 56.

²⁸ ПСРЛ. Т. 13.. С. 129.

²⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 295.

³⁰ Там же. С. 296.

что говорить по поводу внешнеполитической обстановки. Хотя они объективно искажают реальность сообразно интересам русской внешнеполитической пропаганды, но для воссоздания хронологии событий могут иметь большое значение.

В феврале 1536 г. в наказе послам в Литву про казанские дела было велено говорить: *«государя нашего земля сошлася с Казанской землею, мордва и черемиса; и черемиса с мордовою с рубежа промеж себя бранят и грабятя: великого князя мордва у них возмут, а черемиса у мордвы емлют, а больших войн не бывало, государь наш на казанские места воевод своих не посылавал, а казанцы на великого князя землю не прихаживали»*³¹. Та же формулировка употреблялась и позднее – в наказе июня 1536³², сентября 1536³³, в апреле 1537 г.³⁴, декабре 1537³⁵, в июне 1542 г.³⁶ В сентябре 1543 г. было наказано говорить: *«казанцы ныне к государю нашему присылают бити челом, и государь их хочет жаловати»*³⁷. То же было в сентябре 1544 г.³⁸ Факт набегов со стороны Казанского ханства от литовской стороны нельзя было скрыть, т. к. она интересовалась внешнеполитической ситуацией в России, используя разные источники. Задачей русских дипломатов было выставить ситуацию в наиболее выгодном для себя свете. Поэтому можно уверенно говорить, что в 1543–1544 г. (до осени 1544 г.) существенных казанских набегов не было.

10 мая 1544 г. государь, находясь в монастыре Николы на Угреше, писал правительству по разным вопросам. *«Прислали есте к нам грамоты, что к нам прислали воеводы из Нижнего Новагорода князь Дмитрий Шкурлятев грамоту да дву черемисинов»*³⁹. А. Г. Бахтин сделал предположение, что это были пленные, взятые во время нападения на Нижний

Новгород.⁴⁰ Но прямо это не указано. Далее в грамоте, после рассказа о грамотах из Мценска и Тулы в т. ч. в связи с вестями о татарах указывалось, чтобы воеводам в украинные города написать о необходимости осторожности, боярам указывалось дать жалованье нижегородцам, которые прибыли за жалованьем в Москву. Если бы была весть о черемисском нападении, то скорее бы было указание, аналогичное данным в связи с вестью из Мценска и Тулы. Поэтому скорее всего нижегородский воевода отправил грамоту только по вопросу жалованья. Черемисы могли быть гонцами, могли быть представителями агентуры. Даже если это были пленные, то обстоятельства их захвата могли быть самыми разнообразными. Относительно нападений весной 1544 г. это мало о чем говорит (скорее наоборот – ожидали нападения со стороны Поля, но не ожидали со стороны Казани).

Разрядные книги

Официальным источником являются Разрядные книги⁴¹, в которых расписано назначение воевод, описываются походы и боестолкновения. Разрядные книги по данному периоду известны в двух публикациях: Разрядные книги 1475–1598 гг.⁴² (далее – РК-98) и Разрядные книги 1475–1605 гг.⁴³ (далее – РК-05). Изначально записи велись разрозненно. Только в 1556 г. задним числом была составлена сводная разрядная книга – «Государев разряд» из отдельных книг по походам и назначениям воевод. Официальные разрядные книги были сожжены в 1682 г., и до нас они дошли в списках XVII в. в виде выписок, делавшихся частными лицами для местнических дел. Эти списки различались уже между собой, в них часто прослеживаются повторения или путаница по годам, и в целом видно, что списки в итоге получались составленными из

³¹ Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 26.

³² Там же. С. 40.

³³ Там же. С. 54.

³⁴ Там же. С. 117.

³⁵ Там же. С. 136.

³⁶ Там же. С. 179–180.

³⁷ Там же. С. 227.

³⁸ Там же. С. 263.

³⁹ Там же. С. 239.

⁴⁰ Бахтин А. Г. XV–XVI вв. в истории марийского края. С. 86.

⁴¹ Подробнее о разрядных книгах см.: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.

⁴² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 66–133.

⁴³ Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 203–395.

разнородных записей, запутанных между собой. РК-05 изначально (при составлении в 1-й половине XVII в.) представляла собой частную разрядную книгу. Она по объему более информативна, но при этом содержит массу явных неточностей и отклонений от изначальных записей, имеет много дубляжей одной росписи на два и более года. Следует заметить, что искажения подверглись данные по воеводским назначениям (они и составляли большую часть записей) – основные предметы местнических споров (когда поднималось и собиралось максимально большое количество записей). Однако встречаются также наказы и повести о боевых действиях, которые относительно мало подвержены разного рода изменениям.

Таким образом, хотя изначально РК – официальные источники, но дошли они в искаженном виде, требующем реконструкции, сопоставления с другими источниками. Будут приводиться записи из РК-98 (как наиболее близкой к Государеву разряду), а из РК-05, где много дубляжей, дополняться.

Кроме РК, сохранились отдельные разрядные грамоты (в списках XVII–XVIII вв.). Некоторые выписки из разрядных документов сохранились в летописях.

В РК, как и в московском летописании, есть записи о русских походах на Казанское ханство. В данной статье эти мероприятия рассматриваться не будут. В августе-сентября 1523 г. совершили крупный набег и осуществили строительство Васильгорода. Весной-летом 1551 г. был осуществлен поход и строительство Свяжска. Крупные набег были весной 1545 г., в феврале 1547 г., июне 1549 г. Походы на Казань были осуществлены в мае-августе 1524 г., в мае-августе 1530 г., ноябре 1547 – марте 1548 гг., ноябре 1549 г. – марте 1550 г., в 1552 г.

Разрядные документы за 1521–1527 гг. РК-98, июнь 1521 г. «*В Мещере были воеводы князь Петр Дмитриевич Ростовской, Михайла Семенович Воронцов, князь Ондрей князь Петров сын Великого, Григорей Большой Ондреев сын Колычов, князь Василей Чулок Ушатой, Дмитрей Семенов сын Воронцов, да волостель мещерской князь Иван Середней Кашин. Да в Мещере же был царевич Еналей, а с ним сеит*

и князи, и мурзы. А на Мокше в Нароватове стояли князь Иван князь Михайлов сын Троекуров да князь Василей Ковер Кривоборской, да Якуб Ивашиинцов, да Семен Жеребьячин. А в Муроме был царевич Акдовлет Ахтуртов сын. Да в Муроме же были воеводы князь Юрьи Дмитриевич Пронской, князь Иван Щетина Иванович Оболенской, околничей Ондрей Васильевич Сабуров. А в Нижнем Новгороде были воеводы князь Ондрей Дмитриевич Курбской, Федор Юрьевич Щука Кутузов, Михайла Ондреев сын Плещеев, князь Иван Менишик Голенин, князь Иван Збаражской, князь Юрьи Ушатой Большой. Да в Нове же городе Костя Замытцкой». Следует заметить, что только Нижний Новгород защищал одну границу с Казанским ханством – остальные группировки одновременно защищали направления нападений крымских и ногайских войск. Согласно РК, нападения на Нижний Новгород и Муром ожидали еще в 1505 г., и туда были направлены воеводы (нападение состоялось на Нижний Новгород). Нападение казанцев на муромские, галичские и костромские места последний раз отмечено под 1467–1468 гг.⁴⁴

Сохранился подлинный судный список 7032 (1523/24) г., по делу об оговоре Федором Ивановым сыном Крыжина муромских детей боярских в намерении бежать в Литву⁴⁵. Там отражена пограничная служба муромцев. Отмечается служба в прошлые годы в Мещере (на Толстике, у Елатьмы). Описан эпизод: «*по того ж Федора [Крыжина], государь, посылал меня Василей Яковлич [Захарьин] в Муроме, а велел всей литве быти у собя, а выбирал, государь, послати в погоню за черемисою с Васильем з Замытцким*». Крыжин убежал к Москве, где и оговорил своих сослуживцев. В данном документе воеводой в Муроме назван Борис Горбатый. В РК отмечено, что в 1516 г. Борис Иванович Горбатый и В. Захарьин были воеводами в Дорогобуже. Возможно, в 1523/24 г. они также были первым и вторым воеводами в Муроме. Можно предположить,

⁴⁴ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 61.

⁴⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 4. М., 2008. С. 386–389.

что это был набег в ответ на строительство Васильгорода. Видно, что сил в сборе не было, и для погони пришлось срочно собирать детей боярских.

РК-98 под 1527 г. *«Августа в 27 день велел князь великий с Коломны воеводам князю Ивану Барбашину итти на Унжю, а князь Ивану Лугвице Прозоровскому, князю Юрью да князю Василью Чюлку Ушатым, князю Семену Ситцкому велел итти в Нижней Новгород».* Это было время похода к Оке крымского царевича Ислам-Гирея (перед эти расписывались воеводы на Коломне). Видимо, опасались одновременного нападения крымских и казанских сил, как это было в 1521 г.

РК-98 под 7036 (осень 1527 / лето 1528 гг.) г., сразу вслед за описанием прихода Ислам-Гирея к Оке в сентябре. *«Того же лета августа в Муроме был боярин и воевода князь Василей Васильевич Шуйской да с ним Михайла Ильин сын Бокеев. А в Нижнем Новгороде были воеводы князь Семен Федорович Курбской да братанич ево князь Федор князь Михайловсын Курбской, да князь Иван Лугвица Прозоровской, князь Юрьи да князь Василей Чюлок Ушатые, да князь Семен Сицкой. А наместники были в Нижнем Новгороде тогда князь Семен Федорович Алабышев да Федор Юрьев. На Костроме были воеводы князь Михайла Данилович Щенятев да боярин Иван Григорьевич Морозов. На Чухломе были воеводы князь Данило Несвитукой да Никита Васильев сын Борисова, да Федор Супунев. А того же лета августа написано в другом наряде: были на Унже Микита Борисов, князь Данила Несвитукой. На Унже были князь Иван Иванович Барбашин да с ним князь Микита княж Федоров сын Палецкого, да Василей Замыцкой».* Видно, что в Нижнем Новгороде были все те воеводы, что были отправлены в августе 1527 г. из Коломны. Поэтому можно утверждать, что весь этот разряд «от казанской украины» относится к периоду похода Ислам-Гирея, т. е. к августу-сентябрю 1527 г. Примечательно, что далее отдельно указан 7036 (1527/28) г. с августовской росписью Береговой рати и июльской росписью воевод от Литовской Украины (если бы августовский разряд «от казанской

украины» изначально относился к лету 1528 г., то скорее его можно было ожидать рядом с этими записями).

В РК-05 назначение воевод в Муром отнесено к 16 августа (затем дана роспись нижегородских воевод), в Чухлому – к 19 августу (затем названы воеводы на Унже), отдельно названы воеводы в Костроме и на Плесе. Последний («воевода Ондрей Васильевич Сабуров») не назван в РК-98. Также *«того же году в Мещере в городе были воеводы Юрьи Ушаков да Иван Клепиков; да Девлет Сабака; а за городом были в Мещере же князь Юрьи Гундоров да Михайло Ильин сын Бокеев, да князь Иван Мезецкой Сухой».* В частичном виде этот разряд был продублирован в РК-05 под 1529 г.

Однако 1527 г. нельзя уверенно считать началом назначения воевод «от казанской украины» на Унжу, Чухлому, Кострому, Плес, т. е. в заволжские города. Так, после 1522 г. и до похода Ислам-Гирея нет росписи воевод на Берегу. Т. е. записи могли просто не сохраниться, т. к. не были связаны с важными событиями. Неясно, воевод в Галиче не было или запись о них не сохранилась?

В РК-05 есть роспись воевод за 7038 (1529/30) г. в Костроме и на Плесе, но это дуближ записи за июнь 1543 г. Запись про воевод в Васильгороде в 7044 (1535/36) г. в РК-05 продублирована под 7040 (1531/32) г.

Разряды за 1531 г. В РК-98 под 1531 г. *«октября в Нижнем Новгороде были воеводы по полком: В болюм полку были бояре и воеводы князь Василей да князь Иван Васильевичи Шуйские, Василей Григорьевич Морозов. В передовом полку были воеводы князь Микита Васильевич Оболенской да князь Петр Иванович Репнин. В правой руке были воеводы князь Ондрей Михайлович Шуйской да князь Федор Иванович Хованской. В левой руке были воеводы околничей Яков Григорьевич Морозов да Михайло Ильин сын Бокеев. В сторожевом полку были воеводы князь Иван Иванович Пронской да князь Петр княж Федоров сын Охлябинин. Да в Нове же городе был царь Шигалей, а с ним были в приставех князь Юрья княж Иванов сын Темкин да Юрьи*

Дмитреев сын Шеин, да князь Дмитрий Шкурлетев. А с Москвы был с царем в приставех да и в Новгороде Ондрей Семенов сын Упин. На Костроме был боярин и воевода Ондрей Васильевич Сабуров. Да на Костроме же был наместник князь Иван княж Андреев сын Катырь Ростовской. В Галичи были наместники Иван Семенов сын Колычов да Асан Дмитриев сын Годунов. Да в Галичи же были князь Ондрей да князь Иван княж Федоровы дети Ситцкого. На Унже были воеводы князь Дмитрий княж Иванов сын Шкурлятев да Василей княж Федоров сын Палецкаго. На Чухломе были воеводы князь Юрьи княж Иванов сын Темкин, Данило да Василей княж Васильевы дети Несвицкого». Поскольку часть воевод в этих городах названы в приставах при Шейх-Али, то явно назначение их было уже после прибытия в Нижний Новгород (Юрий Темкин в Чухлому, Дмитрий Шкурлятев на Унжу).

В РК-05 есть продолжение этой записи. «Ово же году были воеводы на Чухломе. И воеводы пошли с Чухломы за татары козанскими. В большом полку князь Юрьи Иванович Темкин Ростовской да князь Дмитрий Иванович Курлетев. В правой руке князь Ондрей Сицкой. А в ыных розрядах пишет: в правой руке князь Юрьи Большой да князь Юрьи Меньшой Стародубские Сарокины. В передовом полку князь Василей Палецкой да брат ево князь Давыд. В сторожевом полку Василей Федорович Меньшик Полев. В левой руке князь Данило Бурмак да князь Василей Ляпун Несвицкие. А приезжал от государя к воеводам с речью Федор Сукин и отпустил воевод за козанскими людьми». Это сообщение в измененном виде дублируется под 7039 (1530/31) и 7042 (1533/34) гг. Последняя запись выглядит: «тово же лета в Галиче стояли воеводы князь Юрьи Иванович Темкин Ростовской да князь Дмитрий Иванович Курлятев. И тогда у них было дело на Унже с козанскими людьми, а воеводы были по полком. В большом полку князь Юрьи Иванович Темкин Ростовской да князь Дмитрий Иванович Курлятев. И как пошли воеводы к бою, и наперед шел у воевод князь Василей Иванович Елецкой; да с Костромы шол з дворяны Семен Дмитриевич Пешков Сабуров, а к бою шол наперед же. А по

правою сторону шли два князи Юрьи Одреевичи Сорокины Льяловския Стародубския. А по левою сторону шли князь Данило Марамук да князь Василей Ляпун Несвицкие». Первая запись была практически такой же (только имена воевод были записаны более кратко). Т. е. против появившихся на Унже казанцев выступили все воеводы с Чухломы, Унжи, Галича, а также воевода с Костромы.

Разряды за 1536 г. В РК-98 под 1536 г. «Февраля 20 в Муроме были воеводы в городе боярин князь Дмитрий Федорович Белской, князь Олександр Одреевич Ростовской, за городом князь Федор Михайлович Мстисловской, князь Михайло Михайлович Курбской, князь Иван княж Михайлов сын Троекуров, Иван Петров сын Федоровича, Григорей Юрьев сын Захарына. В Новгороде в Нижнем в городе окольниковей Иван Семенович Брюхов-Морозов, а за городом князь Юрьи Иванович Темкин, Иван Семенович Воронцов, Иван Иванович Хабаров, князь Семен княж Федоров сын Алабышев, князь Иван княж Федоров сын Мезецкова. И марта 6 писал из Нижнева из Новгорода окольниковей Иван Семенович Брюхов, что казанские люди начевали от города за 10 верст на Ельне. И князь великий велел из Мурома воеводам итти в Нижней Новгород и росписи им послал, а велел им быти по полком: В большом полку князю Федору Михайловичю Мстиславскому да князю Михаилу Михайловичю Курбскому. В передовом князю Юрью Ивановичю Темкину да князю Ивану княж Михайлову сыну Троекурову. В правой руке Ивану Петрову сыну Федоровича да князю Семену княж Федорову сыну Алабышева. В левой Ивану Семеновичю Воронцову да Ивану Ивановичю Хабарову. В сторожевом Григорью Юрьеву сыну Захарыча да князю Ивану княж Федорову сыну Мезецкого». Видно, что эта рать состояла из всех муромских и нижегородских воевод, которые только и были отмечены под 20 февраля. Причем под последним числом прямо говорилось, что на этот момент там были такие-то воеводы – это была не дата назначения (воеводы как в эти города, так и прочие должны были быть расписаны гораздо ранее). Т. е. 20 февраля

была какая-то тревога на этих направлениях, из-за чего запись и сохранилась.

В РК-05 эта запись продолжена. *«Ходили воеводы за козанскими людьми до Лыскова острова Волгою. Того же году в Восилегороде на Суре реке воеводы князь Олександра Васильевич Кашин да князь Иван Федорович Стригин Ряполовской.*

Того же лета приходил царь козанской на Болохну и посады пожог, а на Болохне был тогда боярин и воевода Иван Васильевич Хобар Симской с товарищи. И бой им с козанским царем был и Ивана Хобора тогда побили, а Иван утек на Болохну в мале силе».

Нападение на Балахну относится, согласно официальной летописи, к 6 января 1536 г. (упоминание о личном присутствии казанского хана следует отнести к поздним искажениям – всеми другими источниками по данному событию она не подтверждается). Как отметил М. А. Несин, дефектной следует считать и последнюю фразу, т. к. укрепления в Балахне еще не были построены, воевода не мог за ними укрыться, и, должно быть, подразумевалось бегство воевод в Нижний Новгород⁴⁶. Иван Васильевич Хабар в разрядных книгах упоминается с 1495 г., когда он назван среди детей боярских в свите великого князя в Новгороде. Он был известен успешными оборонами от татар Нижнего Новгорода в 1505 г. и Рязани в 1521 г., не раз отмечен полковым воеводой, в 1524 г. возглавлял конную рать в походе на Казань. Последний раз упоминался под 1531 г. воеводой на Берегу. В 1536 г. он должен был быть уже престарелым, но опытным воеводой. Его скорее следовало ожидать на воеводстве в Нижнем Новгороде, а не в Балахне. В официальном летописании не названы по имени нижегородские воеводы, действия которых описаны в связи с нападением казанцев на казанские места 24 декабря 1535 г. и на Балахну 6 января. Если там эти действия описаны словами «с татарами не встретились», то в данной разрядной записи видим описание неудачного боя Хабара. Возможно, в официальном летописании неудачные действия знатного боярина были

завуалированы. Больше он не упоминался – судя по февральской росписи, в Нижнем Новгороде его уже не было. Либо в поздней разрядной записи вместо Ивана Васильевича Хабара следует видеть Ивана Ивановича Хабара, его сына, который в феврале значился третьим полевым воеводой в Нижнем Новгороде.

К январю в официальной летописи относится и запись о походе Ф. М. Мстиславского до Лыскова. М. А. Несин пришел к выводу, что верной о действии Мстиславского является запись в РК⁴⁷. Хотя официальная летопись в целом точна в хронологии, но в РК стоят сразу две последовательные даты по разным месяцам, что делает описку маловероятной. Видимо, это был редкий пример неточности вставки при составлении официальной летописи. Причем он может объясняться тем, что одновременно было много глав «о казанских татарах». Примечательно, что в Воскресенской летописи выдвигание М. Ф. Мстиславского совмещено с известием о нападении на Балахну⁴⁸ – показатель, что разрозненные известия о действиях на «казанском направлении» в эту зиму даже в официальных летописях перемешивались.

Разряды за 1537 г. РК-98 под 7045 (1536/37) г. (судя по всему, при известии о походе Сафа-Гирея к Мурому в январе). *«Того же лета 7045 в Володимере были воеводы по полком. В большом полку князь Василей Одреевич Микулинской да князь Петр Иванович Репнин. В передовом полку князь Роман Иванович Одоевской да Иван Петров сын Федоровича. В правой руке князь Иван Иванович Барбашин да князь Иван Федорович Стригин. В левой Василей Одреевич Шереметев да князь Василей княж Федоров сын Охлябинин. В сторожевом князь Юрьи Михайлович Булгаков да князь Иван Шемяка Васильевич Пронской. В РК-05 уточняется, что «из Володимеря те воеводы были в Муроме, а полки были и воеводы по росписи по прежней».* Это были те воеводы, которых в РК-98 и далее здесь именовали «муромскими воеводами».

⁴⁶ Несин М. А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. С. 117.

⁴⁷ Там же. С. 118.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 291.

Далее в РК-98. «В Муроме наместник князь Федор Иванович Одоевской да князь Михайло Михайлович Курбской. В Мещере князь Михайло Иванович Кубенской, князь Иван Михайлович Троекуров, князь Федор Андреевич Прозоровской, князь Федор княж Семенов сын Мезецкого». В РК-05 была расписана рать в Мещере, возглавляемая этими наместниками. «В большом полку князь Федор Иванович Одоевской да князь Иван Михайлович Троекуров. В передовом полку князь Михайло Михайлович Курпской Корамышев. В правой руке князь Михайло Иванович Кубенской. В левой руке князь Федор Семенович Мезецкой. В сторожевом полку князь Федор Андреевич Прозоровской».

Далее в РК-98. «Да приговорил князь великий: нечто сойдутца воеводы муромские [имеются в виду воеводы из Владимира] и мещерские, ино быти: В большом полку князю Федору Ивановичю Одоевскому да князю Ивану Троекурову со князем Васильем Микулинским вместе. А в передовом полку князю Михаилу Курбскому со князем Романом Одоевским вместе. А в правой руке князю Михаилу Кубенскому со князем Иваном Барбашиным вместе. В левой князю Федору Мезецкому с Васильем Шереметевым вместе. В сторожевом полку князю Федору Прозоровскому со князем Юрьем Булгаковым вместе.

А в Новгороде в Нижнем за городом воеводы князь Юрьи Иванович Темкин да Иван Семенович Воронцов, да князь Семен княж Федоров сын Алабышев. На Костроме князь Иван Катырь Андреевич Ростовской да боярин Иван Григорьевич Морозов. На Плесе князь Ондрей Иванович Холмской да князь Ондрей княж Дмитриев сын Дрютцкого, да Василей Ложка Семенов сын Карпова, да князь Микита княж Федоров сын Палецкого». Эта первая сохранившаяся роспись «воевод от казанской крайны» в войне 1535–1538 гг. Видим воевод в Мещере, Муроме, Нижнем Новгороде, Костромском уезде (Костроме и Плесе). Нет данных о воеводах в Галичском уезде. Зато видим сбор стратегического резерва в виде 5-полковой рати у Владимира.

РК-98 под 1537 г. «Июля роспись воеводам от казанские украинны. В Володимере был царь Шигалей, а с ним Юрьи

Дмитреев сын Шеин. А воеводы были в Володимере боярин и наместник князь Дмитрий Федорович Бельской да боярин Иван Григорьевич Морозов. В Муроме в городе наместник князь Федор Иванович Одоевской, а за городом воеводы князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Иван Иванович Барбашин, да князь Иван Иванович Турунтай Пронской. Да в Муроме же были воеводы из Володимера князь Михайло Иванович Кубенской да князь Василей княж Федоров сын Охлябинин. Да в Муром же послан был из Серпухова князь Иван Семенович Нохтев. В Нижнем Новгороде в городе были князь Иван Андреевич Катырь Ростовской да с ним Семен Костянтинов сын Заболоцкого. А за городом были воеводы Дмитрий Семенович Воронцов да князь Михайло Михайлович Троекуров, да Иван Семенов сын Карпов, да князь Федор княж Борисов сын Ромодановского. А как князь великий из Нижнево Новгорода велел ехати к себе по домом Дмитрею Семеновичю Воронцову, Ивану Карпову, Семену Заболоцкого, князю Федору Ромодановскому, и тогда были воеводы в Нижнем Новгороде в городе князь Иван же Ондреевич Ростовской да Роман Юрьевич Захарина. А за городом были воеводы князь Иван княж Федоров сын Стригин да князь Михайла княж Михайлов сын Троекуров.

На Костроме были в городе наместники князь Семен Иванович Трубецкой да князь Семен княж Федоров сын Алабышев. А за городом на Костроме были воеводы князь Ондрей Иванович Холмской да князь Микита княж Федоров сын Палецаго, да князь Ондрей княж Дмитриев сын Дрютцкой, да князь Василей Ляпун Несвицкой. В Галиче воеводы за городом князь Иван Андреевич Прозоровской, князь Данило Марамук княж Васильев сын Несвицкой да Федор Васильев сын Супонев». То, что некоторые воеводы (Д. Ф. Бельский, Ф. М. Мстиславский) значатся в береговом разряде летом 1536 г., подтверждает, что это был именно разряд лета 1537 г. Здесь отмечены воеводы в Галиче, но теперь (и в последующих росписях) нет воевод в других пунктах Галичского уезда – на Унже и в Чухломе. Это можно объяснить тем, что организация обороны Галичского уезда для

увеличения оперативности была полностью возложена на галичского воеводу.

В РК-05 имеется продолжение записи. «Тово же лета были воеводы в Мещере на Толстике князь Василей Васильевич Чюлок Ушатай да князь Ондрей княж Петров сын Великой, и грамоты от великого князя писались ко князю Василью Чюлку Ушатому да ко князю Ондрею Великому.

Тово же лета приходили козанские тотаровя на костромские места и на галицкие многие люди, и князь великий послал воевод своих Михаила Борисова да князь Петра Пестраго княж Васильева сына Засекина. И воеводы сошлись с козанскими людьми на Куси на речке, а козанские люди были многие. И грех ради наших и за премногое неисpravление пред богом людей великого князя побили, князь Петра Пестраго да Меньшика и многих детей боярских побили». Однако эта запись, согласно официальной летописи, относится к лету 1536 г. Из летописи ее, должно быть, и выписали при составлении разрядных книг. Михаил Андреевич Сабуров (в РК отчество неправильно передано) до этого известен только как государев рында в 1522 г. Петр Васильевич Засекин-Нагавица-Пестрый до этого был вторым воеводой в Стародубе (1521 г.), в 1531–1533 гг. значился одним из полевых воевод на Берегу.

Постниковский летописец сохранился в подлиннике, составленном в 1560-е гг. Сведения о набегах казанцев там почти не сообщаются. Под 1537 г. «Царь казанской зиме, генваря, на всеедной неделе под Муром приходил, посады под Муромом и сел и деревень пожег, от Мурома и до Новагорода воевал. И ходил за царем из Елатьмы князь Михайло Кубенской, а из Володимеря князь Роман Одоевской да Василей Шереметев, а из Мурома князь Михайло Курбъской – тот передовой полк»⁴⁹. По виду – это разрядная запись, попавшая в летопись.

РК-98, 1536 г. «Того ж лета октября, как князь великий из Мурома воеводам велел ехати к себе по домом князю Федору Михайловичю Мстисловскому, князю Ивану Барбашину, князю Михаилу Кубенскому, и

тогда велел остатися в Муроме воеводам наместнику князю Федору Ивановичю Одоевскому, князю Ивану Турунтаю Пронскому, князю Ивану Нохтеву; да в Муром же послан Иван Фока Семенович Воронцов». В РК-05 запись отнесена к 29 октября. Судя по месту расположения (после разряда «от казанской украины» летом 1537 г.) и совпадению имен, речь шла об осени 1537 г.

РК-98 под 1537 г. «Сентября князь великий Иван Васильевич всеа Руси и мати его великая княгини Елена приговорили воевод на весну в судех послати х Казани да и в конной рати воевод. И тот поход х Казани не был, потому что царь Сафа-Кирей прислал к великому князю своево человека Усеина о миру.

В судовую рать помечены воеводы по полком. В большом полку быти воеводам боярину князю Дмитрею Федоровичю Бельскому да боярину Михаилу Юрьевичю. В передовом полку быти воеводам князю Ивану Ивановичю Барбашину да князю Михаилу Михайловичю Курбскому. В правой руке быти воеводам князю Федору Михайловичю Мстисловскому да князю Дмитрею Ивановичю Курлетову. В левой руке быти воеводам князю Олександру Ивановичю Стригину-Оболенскому да князю Василью Чюлку княж Васильеву сыну Ушатаго. В сторожевом полку быти воеводам князю Юрью Михайловичю Булгакову да Василью Петрову сыну Борисова.

А в конную рать помечены были воеводы по полком. В большом полку быти воеводам боярину князю Ивану Даниловичю Пенкову да боярину и конюшему князю Ивану Федоровичю Телепневу. В передовом полку быти воеводам князю Василью Ивановичю Репнину да Василью Ондреевичю Шереметеву. В правой руке быти воеводам князю Петру Ивановичю Репнину да князю Дмитрею Федоровичю Палецкому. В левой руке быти воеводам князю Костянтину Ивановичю Шкурлетеву да князю Ивану княж Семенову сыну Мезецкого. В сторожевом полку быти воеводам Ивану Ивановичю Хабарову да князю Ивану Чюлку княж Михайлову сыну Засекину.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 25.

У наряду было быти князь Михаилу Ивановичю Кубенскому да Дмитрею Семеновичю Воронцову, да Тимофею Васильеву сыну Борисова. А с тотары было итти князю Федору Ондреевичю Прозоровскому да князю Юрью княж Иванову сыну, да князь Юрью княж Григорьеву сыну Мещерскова».

Видно, что в судовую рать и наряд направили воевод из-под Владимира, Муром, Нижнего Новгорода. А в конной рати были воеводы из-под Коломны и с Угры. Учитывая упоминание Елены Глинской, умершей в апреле 1538 г., можно быть уверенным, что это именно 1537 г.

Разрядные документы 1538 г. Под 1538–1539 гг. в РК нет записей о воеводах на Казанской Украине. Но сохранился документ от 21 ноября 1538 г. (список XVII в.). *«От великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси на Коломну Леве Иванову сыну Семенову Писареву. Писал еси к тебе наперед сего, чтобы еси пошел на нашу службу в Муром. И ты бы ныне в Муром не ходил, а пошел бы еси на нашу службу в Володимир к боярину и наместнику нашему к воеводе нашему ко князю Дмитрию Федоровичу Бельскому и к иным нашим воеводам. А был бы еси на нашей службе в Володимире однолично часа того. А не будешь часа того в Володимире, и тебе быть от меня в великой опале»⁵⁰. Т. е. во Владимире, Муроме и прочих городах продолжали направлять воевод со значительными силами.*

Сохранился государев указ от 6 августа 1538 г. о строительстве города Любима⁵¹. Он был обращен к населению станов Костромского и Вологодского уездов. *«Присылали есть к нам наперед сего бити челом Михаила Ильина сына Иевълева да Лучьку Семенова сына Горугина да Ваську Михайлова сына Лехчанова и сказываете, что те волости и станы Осецкой и Кулига, и Елнать, и Лемские станы, Черной, и Служень, и Котогорской, и Соцкой, и Чашнич путь, Обнорской, и Кинтуново, и Волочек, и Обнора от городов отошли далече*

верст по сту, по девяносту, и мест де осадных у вас в городех от казанских людей вам убежещей нет, и коли де прииде от казанских людей всполошное время, и вам де и в город на Кострому бежати далече, и без города де вам впредь немочно быть». Город было указано строить в Котогорском стане Костромского уезда, на реке Обноре, в устье речки Учи. *«И как почаете казанских людей на костромския места, и людей бы в город из сел и из деревень и из дальних утечи мочно, и вы б на Обноре на усти на Учи во Стрелице город поставили своими сохами и рвы копали, и городской бой, камень, и колье на город приготовили, и как город зделаете. А будет на речке на Обноре на устье Учи то место не пригож, и крепости у того места мало, или место будет песковато, и впредь городу на том месте быти не мочно, или будет в казанской приход людей из сел и из деревень из дальних уйти не мочно, и вам бы на том месте города не ставить, и выбрать бы место иное, где будет пригоже, чтоб к которому месту крепости пришли великия, и сторожи бы у вас везде были крепкия. И каковы будут весъти от казанских людей, и вы б были вси в городе, а иныя бы по крепостям жили. А буде вам в том месте на реке на Обноре на усти Учи в Стрелице мочно собою город поставить, а нечаштно приидут казанския люди, и вам будет в том городке от казанских людей отседетися немочно, и вам бы, все меж себе поговоря, да горотка в том месте не ставить, а людем изрону не чинить. А нечто приговорите все, что вам в том месте пригоже город поставить и от казанских людей отседетися мочно, и вам бы на Обноре на усти Учи городок собою поставить».*

Видно, что окончательное решение о месте, где должна была быть поставлена крепость, принималось земскими общинами. Крепость должна была быть рассчитана на то, чтобы окрестное население могло успешно укрыться и отсидеться. Отмечается необходимость системы сторожей. Упоминалось, что население могло частично отсиживаться в «крепостях», т. е. малодоступной лесной местности. Строилась крепость местными силами. Сведения этого документа можно распространить на прочие

⁵⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. М., 1997. С. 181.

⁵¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3. М., 2002. С. 427-428.

крепости, которые в то время строились и обновлялись на Казанской Украине.

Разряды за 1540–1541 гг. РК-05 под 7048 (1539/40) г. «Тово же году приходили козанские люди Чюра Нарыков, а с ним 8000 человек козанских черемиских людей на костромские места, а воевали у Пятницы на Солочи. И за ним ходили воеводы из Володимеря князь Ондрей Иванович Холмской да князь Олександра Борисович Горбатой и иные воеводы». Также в РК-05 есть роспись воевод на ноябрь 1539 г., но он дублирует запись за декабрь 1540 г.

Сохранилась государева жалованная грамота от 15 мая 1540 г. (список 1775 г.). Она была дана Авдотье, вдове суздальского помещика Бориса Алалыкина. Там было указано, что Авдотья подавала челобитную, «что де мужа ее Бориса убили на нашей службе у Пятницы на Солдоге казанские татарове»⁵². Этот документ показывает, что в сражении участвовали суздальцы. Он может использоваться для уточнения времени данного события, если оценить время, которое могло понадобиться для рассмотрения и составления ответа на челобитную (времени от сражения до подачи челобитной могло быть всего несколько дней).

РК-98 под 1540 г. «апреля (в РК-05 дано 16 число) велел князь великий быти в Володимере по полком воеводам: В болюм полку быти воеводам князю Василью Одреевичю Микулинскому да князю Ивану Федоровичю Стригину-Ряполовскому. В правой руке быти воеводам боярину князю Юрью Михайловичю Булгакову да Тимофею Васильеву сыну Борисова. В передовом полку быти воеводам князю Федору Одреевичю Булгакову да князю Юрью княж Иванову сыну Гундорову. В левой руке быти воеводам князю Ивану Меншому Ивановичю Лыкову да князю Василью княж Васильеву сыну Щербатого. В сторожевом полку быти воеводам Ивану Дмитреевичю Шеину да князю Дмитрею княж Михайлову сыну Жижемскому. Июля 9 день писал к великому князю из Володимеря воевода князь Василей Одреевич Микулинской, что боярин князь

Юрью Михайлович Булгаков великого князя для дел к нему не ездил. А князь Юрью Булгаков писал к великому князю, что ему ко князю Василью Микулинскому ездити непригоже. И князь великий отписал ко князю Юрью Михайловичю, чтоб он ко князю Василью Одреевичю ездил и дела великого князя берег с ним заодин, а та ему служба не в места; а как служба минетца, а будет ему до князя Василья дела о местех, ино им тогда дати суд. И августа писал к великому князю из Володимеря князь Василей Одреевич Микулинской, что он болен, и государь бы князь великий велел ему ехати из Володимеря помолитися чудотворцем. И князь великий князя Василья Микулинскаго из Володимера отпустил, а в Володимере велел быти воеводам по полком: В болюм полку воеводы боярин князь Юрью Михайлович Булгаков да князь Иван Федорович Стригин. В передовом полку воеводы князь Дмитрий Иванович Микулинской да князь Юрью княж Иванов сын Гундоров. В правой руке воеводы князь Федор Одреевич Булгаков да князь Василей княж Васильев сын Щербатой. В левой руке воеводы князь Иван Иванович Лыков Меншой да князь Юрью княж Григорьев сын Меццеракаго. В сторожевом полку воеводы Иван Дмитреевич Шеин да князь Дмитрий Михайлович Жижемской.

В Муроме воеводы были за городом князь Дмитрий Одреевич Булгаков да князь Иван княж Александров сын Кашин-Оболенской. В Елатье воеводы были князь Михайло Михайлович Троекуров да князь Василей княж Иванов сын Осиповского. В Нижнем Новгороде за городом наместник Семен Константинов сын Заболотцкой, а в городе князь Юрью княж Иванов сын Щетинин. На Костроме были воеводы за городом князь Иван Одреевич Катырь Ростовской, князь Борис Иванович Палецкой, князь Никита да князь Давыд княж Федоровы дети Палецкого. На Плесе воеводы были наместник князь Иван Одреевич Булгаков да Василей Семенов сын Карпов.

Того же лета декабря (в РК-05 дано 6 число) роспись от казанские украины, как царь казанский Сафа-Кирей приходил к Мурому. В Володимере были воеводы по полком: В болюм полку были воеводы боярин

⁵² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. С. 10-11.

и наместник князь Дмитрий Федорович Бельской да боярин князь Никита Васильевич Оболенской. В передовом полку воеводы князь Александра Борисович Горбатого да князь Василей Федорович Охлябинин. В правой руке воеводы боярин князь Юрьи Михайлович Булгаков да дворецкой углецкой Федор Семенович Воронцов. В левой руке воеводы околничей Иван Семенович Воронцов да князь Давыд Федорович Палецкой. В сторожевом полку воеводы Иван Петрович Федоров да князь Юрьи Иванович Гундоров.

А в городе в Володимере велено быти князю Петру Ивановичю Катыреву-Ростовскому да Олександру Семенову сыну Упина, да Ивану Ондрееву сыну Лапенкову-Кутузову, да Григорью Васильеву сыну Сабакину. В Муроме в царев приход были воеводы князь Иван Федорович Стригин-Ряполовской, Иван Васильев сын Шереметев Большой, князь Петр княж Иванов сын Деев. А в городе в Муроме Иван Петров сын Заболотцаго да князь Иван княж Федоров сын Сухово Мезецкого. В Мещере были воеводы князь Дмитрий Иванович Горбатой да князь Дмитрий Михайлович Жижемского. В Нижнем Новгороде были воеводы за городом резанской дворецкой Иван Михайлович Юрьев Большой да Иван Иванов сын Клушин. А в городе князь Иван Рыжко княж Тимофеев сын Долгоруково да Рычко Варыпаев сын Плещев. На Костроме были воеводы князь Юрьи Васильевич Глинской да князь Микита княж Федоров сын Палецкаго. На Плесе воеводы были князь Иван Андреевич Прозоровской да Иван Семенов сын Бутурлин. В Галиче были воеводы Яков Иванов сын Сабуров да Федор Васильев сын Супонев.

А как князь великий из Володимеря боярину и воеводе князю Дмитрею Федоровичю Бельскому и иным воеводам велел ехати к Москве, а иным велел ехати к себе по домом, и тогда велел воеводам постояти на Плесе да в Шуе казанских для людей прихода, февраля: На Плесе были воеводы князь Федор Иванович Шуйской, князь Александра Борисович Горбатого, князь Иван Ондреевич Прозоровской, князь Данила Марамук княж Васильев сын Несвицков. В Шуе воеводы Федор Семенович Воронцов, князь Василей

Федорович Охлябинин, князь Юрьи княж Иванов сын Гундоров. А как сойдутца шуйские воеводы с плескими воеводами, и тогда быти воеводам по полком. В болюм полку быти воеводам князю Федору Ивановичю Шуйскому, князю Олександру Борисовичю Горбатого, князю Ивану Ондреевичю Прозоровскому. В правой руке быти воеводе Федору Семеновичю Воронцову. В передовом полку быти воеводе князю Василью Федоровичю Охлябину. В левой руке быти князю Данилу Марамуку Несвицкому. В сторожевом полку быти князю Юрью княж Иванову сыну Гундорову. И марта писал к великому князю князь Александра Борисович, что он убился с коня, и на государеве службе быти ему немочно. И князь великий князю Олександру велел ехати в вотчину. Да из Шуи к великому князю писал князь Василей Охлябинин, что ему с Федором с Воронцовым в менших быти немочно. И князь великий ко князю Василью Охлябину велел отписать, чтоб он с Федором с Воронцовым дела великого князя берег без мест».

В РК-05 эта запись продолжена. «В городе в Володимери велено быть князю Петру Ивановичю Катыреву Ростовскому да Олександру Семеновичю Упину, да Ивану Ондрееву сыну Кутузову, Григорью Васильеву сыну Сабакину».

РК-98 под 1541 г. «июля месяца в Володимере были воеводы по полком на три полки, а итти было им по казанским вестем в Нижний Новгород в судех. В болюм полку воеводы боярин князь Иван Васильевич Шуйской да князь Михайло Михайлович Курбской. В левой руке воеводы князь Семен Федорович Алабышев да князь Михайло Михайлович Троекуров. В сторожевом полку воеводы князь Иван Федорович Стригин да князь Василей княж Васильев сын Щербатого. А конным воеводам итти было в Нижней Новгород князю Ивану Андреевичю Куракину, Ивану Васильеву сыну Шереметеву, князю Петру княж Иванову сыну Дееву. В Муроме воеводы князь Юрьи Васильевич Глинской, Тимофей Васильевич Борисов, князь Василей Иванович Осиповской. В Мещере были воеводы князь Дмитрий Иванович Пунков да князь Юрьи княж Григорьев сын Мещерского. На Костроме

были воеводы князь Федор Иванович Шуйской, князь Иван Андреевич Прозоровской да князь Василей Ляпун Несвицкой. В Галиче были воеводы Яков Иванов сын Константинов Сабуров, Федор Васильев сын Супонев.

Того же лета июня месяца (в РК-05 дано 5 число) в Володимере были воеводы по полком. В болюм полку боярин князь Иван Васильевич Шуйской да князь Михайло Михайлович Курбской. А в правой руке велел князь великий быти князю Ивану Юрьевичу Хохолкову да князю Михаилу Троекурову; и князь Иван Хохолков не был. В передовом князь Иван Андреевич Булгаков да князь Петр княж Иванов сын Деев. В левой князь Семен Федорович Алабышев да князь Василей Щербатой. В сторожевом князь Иван Федорович Стригин да Иван Васильев сын Шереметев Большой». Это та же самая роспись судовой рати на июль. В РК-05 дополнительно записано: «те все воеводы судовые и конные в Нижней Новгород не ходили, потому что к берегу прииол крымской царь, и они все пошли к берегу». Далее уточняется: «из Володимеря велел государь воеводам своим итти на берег жа к Оке реке июля в 28 день».

Разрядные записи за 1541-1545 гг. РК-98 на зиму 1541-1542 гг. «Декабря месяца в Володимере были воеводы по полком. В болюм полку воеводы боярин князь Иван Васильевич Шуйской да князь Михайло Михайлович Курбской. В правой князь Иван Шемяка Васильевич Пронской да князь Юрья Менишой княж Андреев сын Михайловича Пенинского. Да в правой же руке был шибанской царевич Шиалей да Магмет мирза Камбар мурзин. А со царевичем был князь Иван княж Васильев сын Власов Мезецкого. В передовом полку князь Иван Турантай Иванович Пронской да князь Юрьи княж Иванов сын Гундоров. В левой князь Юрьи Андреевич Пененской Болюшой да князь Дмитрий Иванович Немого-Оболенской. В сторожевом князь Дмитрий Андреевич Булгаков да князь Давыд Федорович Палецкой».

РК-05 под 7050 (1541/42) г. «Тово же году были воеводы в Володимери по полком. В болюм полку боярин князь Ондрей

Михайлович Шуйской да князь Петр Иванович Репнин. В правой руке окольничей Иван Фока Семенович Воранцов. В передовом полку князь Иван Ондреевич Куракин. В сторожевом полку князь Семен Федорович Алабышев. В левой руке. И князь Ондрей Михайлович Шуйской вскоре на службу не прииол, а от государя грамоты писались к боярину ко князю Петру Ивановичю Репнину. И князь Семен Олабышев о том писал к государю и бил челом, что непригоже ему ездить ко князю Петру Репнину потому что отец ево, князь Семенов, князь Федор Алабышев сидел на Галиче да с ним князь Дмитрий Щепа Оболенской, а князь Иван Репня под князем Дмитрием третьей брат. И князь великий велел им съезжатися в Володимери у церкви. Тово же лета приезжал от государя Лев Ондреевич Салтыков с речью к боярину ко князю Ондрею Дмитриевичю Ростовскому в Володимер, а говорил от государя по наказу: как воинские вести поминуютца, чтоб были в Володимери воеводы до полком. В болюм полку в Володимери боярин князь Ондрей Дмитриевич Ростовской да князь Михайло Курпской. В правой руке окольничей Иван Фока Семенович Варанцов. В передовом полку князь Иван Куракин. А в правой руке и в передовом полку и левая рука стояли в Шуе и обсылались бы и дела нашего берегли.

Тово же лета были воеводы на Костроме князь Олександра Борисович Горбатой. Тово же лета были воеводы в Шуе князь Дмитрий Ондреевич Булгаков да князь Давыд Федорович Палецкой. Тово же году были воеводы в Суздале князь Юрьи Ондреевич Пенинской Большой да князь Дмитрий Иванович Немого Оболенские».

Далее. «Тово же году были воеводы в Володимери князь Иван Ондреевич Катырь Ростовской да князь Иван Шемяка Васильевич Пронской, да князь Иван Турантай Иванович Пронской, да князь Юрьи Ондреевич Пенинской Большой, да князь Юрьи Иванович Гундаров. А каторые воеводы были на Костроме, и в Шуе, и в Суздале, и те все написоны в ростиси с володимерскими воеводами».

РК-98 под 1542 г. Того же лета сентября приговорил князь великий итти в

казанские места из Муroma воеводам по полком, и тот поход не был. В бошой полк помечены воеводы князь Федор Иванович Одоевской да Микита Иванов сын Борисова. В передовом полку быти воеводе князю Ивану княж Александрову сыну Кашину. В правой руке быти воеводе князю Юрью Ивановичю Кашину Оболенскому. В левой руке быти воеводе князю Ивану княж Федорову сыну Сухово Мезецкому. В сторожевом полку быти воеводе Ивану Григорьевичю Очину-Плещееву.

А из Галича итить было воеводам по полком в казанские места, и тот поход не был же. В бошом полку быти воеводам Семену Семеновичю Беззубцову да князю Григорию княж Андрееву сыну Гундорову. В передовом полку быти князю Юрью княж Иванову сыну Дееву. В правой руке быти воеводе князю Ивану княж Михайлову сыну Хворостинину. В левой руке быти воеводе князю Петру княж Иванову сыну Дееву. В сторожевом полку быти воеводе князю Федору княж Борисову сыну Ромодановского». Видимо, поход не состоялся из-за начала мирных переговоров.

РК-98 под 1542 г. «ноября в Володимере были воеводы по полком. В бошом полку боярин князь Дмитрий Федорович Бельской да князь Михайло Михайлович Курбской. В правой руке князь Александр Борисович Горбатой да князь Семен княж Иванов сын Гундоров. А в передовом полку приговорил был князь великий быти князю Юрью Васильевичю Глинскому, и велел князь великий дьяком сказати свою службу князю Юрью на Москве. И князь Юрьи дьяком отказал, что ему в передовом полку быти немочно, потому что в правой руке быти князю Олександру Горбатому, и ему мениши князя Олександра быти немочно. И князь великий велел быти в передовом полку князю Ивану Семеновичю Нохтеву да князю Андрею княж Дмитрееву сыну Дрюцкого. В левой руке были воеводы князь Иван Андреевич Прозоровской да князь Федор княж Борисов сын Ромодановского. В сторожевом Андрей Васильевич Елизаров да князь Семен княж Михайлов сын Мезецкого.

А на Костроме были воеводы князь Федор Иванович Шуйской да князь Данила да князь Василей княж Васильевы дети Несвитцкого. А на Плесе были воеводы Иван

Васильевич Жулебин да князь Юрьи княж Иванов сын Деев. А в Новегороде в Нижнем в городе князь Михайло Васильевич Глинской да Иван Петров сын Заболотцкого. В Гороховце за городом князь Дмитрий княж Иванов сын Хилков, а в городе наместник князь Александр княж Васильев сын Дрюцкого. В Городке у царя околничей Иван Иванович Беззубцов да Василей Тимофеев сын Замыцкого. Въ Елатьме наместник Михайло Иванов сын Воронов».

В РК-98 под 1543 г. «Юня же были воеводы от казанские украины. В Володимере были воеводы по полком. В бошом полку были воеводы боярин и дворецкой князь Иван Иванович Кубенской да Григорей Юрьевич Захарьин. В передовом полку были воеводы Иван Васильевич Шереметев да князь Семен княж Михайлов сын Мезецкого. В правой руке были воеводы князь Иван Михайлович Троекуров да князь Юрьи княж Иванов сын Деев. В левой руке были воеводы князь Иван княж Петров сын Сисеев да князь Петр княж Иванов сын Деев. В сторожевом полку были воеводы князь Иван Васильевич Горенской Оболенской да князь Федор княж Борисов сын Ромодановского.

В Муроме были воеводы князь Михайло Михайлович Курбской, Иван Семенов сын Бутурлин, князь Семен княж Иванов сын Гундоров. В Нижнем Новегороде были воеводы Иван Иванович Хабаров, князь Иван Большой Федорович Судцкой; да в Нижнем же Новегороде был воевода князь Семен Иванович Пунков Микулинской. А заповеди для были в Нижнем Новегороде Микифор Иванов сын Дмитреева да Услюм Иванов сын Данилова. На Костроме были воеводы князь Иван Ондреевич Булгаков Куракин да князь Василей Ляпун княж Васильев сын Несвитцкого. На Плесе были воеводы с Костромы наместник князь Иван Васильевич Глинской да князь Ондрей княж Дмитреев сын Дрюцкой. В Галиче за городом воеводы князь Семен Васильевич Ростовской, Яков Иванов сын Сабуров, Федор Васильев сын Супонев».

В РК-05 перед этой роспись. «Тово же году были воеводы в Нижнем Новгороде князь Федор княж Олександров сын Оленкин да князь Петр Иванович Кашин. И князь Петр со князь Федором месничался, и писали

о том оба к государю, и государь учинил их месниками. Того же году были воеводы в Муроме на службе князь Костянтин Иванович Курлятев да князь Юрьи Иванович Кашин. И князь Юрьи Кашин со князь Костентином месничался и с ним не пошел, и грамоты к ним от великого князя приходили порознь».

РК-98 под 1544 г. «Того же лета 52-го генваря были воеводы в Володимере и в Суздали, и в Шуе по полком; а которые воеводы не похотели быти по сей росписи мест для, и о том написано же после сее росписи. В болюм полку в Володимере были воеводы бояря князь Иван Михайлович Шуйской, князь Петр Иванович Репнин да воевода князь Иван Семенович Мезецкой. В правой руке в Суздали были воеводы боярин Иван Семенович Воронцов да князь Юрьи Иванович Кашин. В передовом полку в Суздали же были воеводы Семен Семенович Беззубцов да князь Федор князь Борисов сын Ромодановского. В левой руке воеводы в Шуе князь Осиф Тимофеевич Тростенской да князь Григорей княж Ондреев сын Гундоров. В сторожевом полку в Володимере воеводы князь Иван Семенович Ногтев да князь Иван княж Александров сын Кашин-Оболенской.

И генваря в 19 день писали к великому князю воеводы из Володимеря и из Суздаля князь Иван Ногтев, князь Юрьи да князь Иван Кашин. А писал князь Иван Ногтев и князь Юрьи Кашин, что князю Ивану в сторожевом полку быти непригоже, потому что в правой руке боярин Иван Семенович Воронцов, а князю Юрью Кашину в других с Ъваном Воронцовым быти же непригоже. А князь Иван Кашин писал, что ему в сторожевом полку быти непригоже того для, что в левой руке в больших князь Осиф Тростенской. И князь великий к ним велел отписать, а велел им быти по росписи; а сторожевому полку до правые руки и до левые дела нет, то полки опричние; а князь Юрьи бы Кашин в правой руке в других был с Ъваном Воронцовым; а не будет в правой руке по росписи, и ему от великого князя быти в опале.

В Муроме были воеводы боярин князь Олександро Борисович Горбатого, Юрьи Михайлов сын Воронцов, князь Петр княж

Иванов сын Кашин. В городе в Муроме князь Иван Андреевич Пенинской да князь Иван княж Федоров сын Сухово Мезецкой. В Елатме воевода князь Федор Иванович Одоевской, Иван Григорьевич Очин-Плещев, Алексей Данилов сын Босманов-Плещев. На Костроме воеводы боярин князь Федор Иванович Шуйской, боярин Федор Семенович Воронцов да наместник князь Дмитрий Михайлович Жижемской. На Плесе воеводы князь Петр Иванович Телятевской-Микулинской да князь Данила Марамук княж Васильев сын Несвицкого. В Галиче воеводы князь Иван княж Михайлов сын Хворостинин, князь Юрьи да князь Петр княж Ивановы дети Деевы».

РК-05 под 7053 (1544/45) г. «Того же году в Муроме были воеводы по полком. В болюм полку Федор Демид Семенович Варанцов. В передовом полку Офонасей Юрьевич Сабуров. И Офонасей Сабуров бил челом государю на Федора в отечестве, и государь к нему прислал на Федора невмесную грамоту». Скорее, здесь изначально шла речь не о болюм и передовом воеводах, а о первом и втором воеводе в городе. Эта запись, видимо, сохранилась именно как местнический спор, не отображая даже количество воевод в Муроме.

Разрядные росписи за 1547–1550 гг.

РК-98 под 1547 г. «июля были воеводы от казанские украины. В Володимере были воеводы боярин князь Ондрей Дмитриевич Ростовской, князь Иван Семенович Ногтев да князь Семен Васильевич Ростовской, Петр Васильевич Морозов, Борис Иванович Салтыков. В Муроме были воеводы князь Василей Федорович Лопатин-Оболенской, Михайло Иванов сын Вороного Волынской да князь Иван княж Федоров сын Сухово-Мезецково. Да в Муроме же был из Володимеря Борис Иванович Салтыков. А из Мурома Борис Салтыков да князь Иван Мезецкой ходили в казанские места. В Мещере были воеводы князь Дмитрий Семенович Шастунов, князь Василей княж Иванов сын Осиповского, князь Семен княж Иванов сын Гундоров. На Костроме были воеводы боярин Иван Семенович Воронцов, Юрьи Михайлов сын Семеновича Воронцов да

за городом же костромской наместник Михайло Михайлов сын Мусин-Пешков. В Нижнем Новгороде был в городе князь Иван Михайлович Троекуров да с ним на вылазку сын его князь Федор, а за городом был князь Данила княж Иванов сын Черного Засекин. А заповеди для был Микита Иванов сын Борисов».

РК-98 под 1548 г. «Июля были воеводы от казанские украины. В Муроме были воеводы по полком [в РК-05 записано «с рожества Иванна Предтечи», т. е. с 24 июня; также в РК-05 роспись Муромской рати продублирована в 1547 г.]. В большом полку были воеводы боярин князь Федор Иванович Шуйской да князь Василей Иванович Горбатого. В передовом полку были воеводы князь Петр Иванович Телятевского-Микулинской да князь Василей Ляпун княж Васильев сын Несвицкаго. В правой руке воеводы князь Ондрей Иванович Ногтев да князь Иван княж Петров сын Звенигоротцаго. В левой руке воеводы князь Федор княж Ондреев сын Гундоров да Семен Федоров сын Киселев. В сторожевом полку воеводы князь Иван Ондреевич Прозоровской да князь Иван княж Федоров сын Сухово-Мезецкого. И Прозоровской в Муроме не был, у себя был болен; а на его место в сторожевом полку велел царь и великий князь быти Михаилу Михайловичю Тучкову.

На Костроме были воеводы наместник Захарья Петрович Яковль да князь Ондрей княж Иванов сын Черного-Засекин. Да на Костроме же были воеводы у Захарьи Петровича князь Василей княж Михайлов сын Жижемской, князь Василей княж Иванов сын Осиповской, князь Семен княж Иванов сын Гундоров; а росписи им по полком не было. В Галиче были князь Петр княж Иванов сын Збережскаго, Михайло Ондреев сын Туров. В Нижнем Новгороде был в городе князь Ондрей Александрович Оленкин, а за городом был Борис Иванович Салтыков. А заповеди для был князь Семен княж Федоров сын Козловской».

Согласно РК-98, в декабре 1548 г. одновременно со сбором по ногайским вестям войск в Коломне в «Муроме были воеводы князь Петр Михайлович Щенятев да князь Михайло Михайлович Троекуров. Да в Муроме же были воеводы, итти было им в

казанские места: Алексей Данилович Плещеев да Семен Федоров сын Киселев.

Того же лета 57-го марта по казанским вестем, как Сафа-Кирея, царя казанскаго, в животе не стало, велел царь и великий князь быти в Нижнем Новгороде царю Шигалею, а у него околничей Федор Михайлович Нагой. А воевод в Нижней Новгород отпустил с Москвы, а велел им быти в Нижнем Новгороде по полком. В большом полку боярин и воевода князь Александра Борисович Горбатого. В передовом полку околничей и воевода Иван Иванович Умно-Кольчов. В правой руке воевода боярин князь Дмитрий Иванович Курлетьев-Оболенской. В левой руке воевода князь Давыд Федорович Паленкой. В сторожевом полку воевода Семен Дмитриевич Пешков.

Того же лета июня отпустил царь и великий князь в Нижней Новгород воевод Бориса Ивановича да оружничего своего Льва Ондреевича Салтыковых, а велел им итти из Нижнева Новгорода в казанские места».

В РК-05 под 7057 (1548/49) г., перед записью о рождении дочери у царя и записи о Шейх-Али в Нижнем Новгороде. «Тово же году на Кострому посланы воеводы зимою князь Данило Дмитриевич Пронской да сын его князь Петр Данилович, да князь Давыд Палецкой. Тово же году в Муром посланы воеводы князь Иван Василевич Пенкав да князь Дмитрий Иванович Курлятев, да князь Михайло Михайлович Троекуров. А царя Шигалея князь Петр Щенятев да князь Иван Троекуров. А в Мещеру посланы воеводы князь Дмитрий Пуньков Микулинской да Олексей Басманов Данилович».

В РК-98 под 1549 г. «Июля были воеводы от казанские украины. В Муроме воеводы по полком. В большом полку боярин и воевода князь Федор Ондреевич Булгаков. В правой руке воевода князь Дмитрий Ондреевич Булгаков. В передовом полку воевода князь Федор княж Борисов сын Рамадановского. В левой руке воеводы князь Ондрей княж Васильев сын Нагаев Рамадановского. В сторожевом полку воевода князь Федор княж Ондреев сын Гундоров. На Костроме воеводы Михайла Васильевич Яковль да князь Иван княж Иванов сын Кашин-Обовенского. В Нижнем Новгороде с Ыльина дни велено быти в

городе князю Петру Ивановичю Телятевскому; за городом князь Петр Александрович Стригин-Оболенской. В Нижнем быти заповеди для Федору Григорьевичю Очину-Плещеву».

РК-98 под 1549 г. «Тое же осени в Нижнем Новегороде были воеводы в городе князь Петр Иванович Телятевской, а за городом был князь Петр Александрович Стригин-Оболенской. Да за городом же были с покрова пречистые в Нижнем Новегороде воеводы, сен царевых и великого князя берегли от прихода казанских людей, князь Федор князь Иванов сын Кашин, князь Григорей князь Федоров сын Мещерскова». В РК-05 последняя часть этой записи помещена осенью 1548 г.

РК-98 в 1550 г. «А от казанские украины были воеводы с Николина дни вешняго 58-го лета. В Муроме были воеводы боярин князь Иван Иванович Пронской, князь Юрьи Иванович Кашин, князь Григорей князь Федоров сын Мещерского. В Гороховце князь Иван князь Федоров сын Сухово-Мезецкого. На Костроме наместник князь Михайла Иванович Воротынской. В Галиче воеводы князь Федор князь Иванов сын Троекуров, наместник Федор Андреев сын Карпов. На Плесе наместник князь Андрей княж Васильев сын Нагаев-Ромодановского. В Мещере воевода князь Дмитрий Иванович Хилков. У царя Шиголея в Городке окольничей Яков Андреевич Салтыков. В Нижнем Новегороде воеводы в городе князь Иван Васильевич Пенков, а за городом боярин Григорей Васильевич Морозов, Василей Михайлович Машуткин».

РК-98 от 1550 г. «Сентября 14 день в Нижнем Новегороде за городом воеводы князь Иван Васильевич Пенков да Василей Михайлович Машуткин-Борисов, а в городе Василей Петров сын Головина. А з Дмитриева дни в Нижнем Новегороде воеводы за городом князь Иван Васильевич Пенков, князь Юрьи Иванович Шемякин-Пронской. В Муроме воеводы з Дмитриева же дни боярин князь Константин Иванович Курлятев да Семен Васильевич Шереметев».

Разряды воевод в Васильгороде. После отмеченной выше записи в РК-05 под 7044 (1535/36) г. о воеводах в Васильгороде

записей нет до 7053 (1543/44) г. РК-05 под 7053 г. «Тово же году послал государь воевод своих в Василь город годовать Федора Григорьевича Очина Плещева да Офонасья Андреевича Бутурлина. И Офонасей Бутурлин на Федора Очина бил челом государю о местех, и государь велел сыскать старыми розряды. И, сыскав розряды, велел государь быть Офонасью Бутурлину в больших, а Федору Очину Плещеву в меньших товарищех; и грамоты от государя с Москвы приходили к Офонасью Андреевичю Бутурлину да к Федору Очину Плещеву». РК-98 под 1545 г. «в Василегороде годовали воеводы князь Михайло Иванович Воротынской да Андрей Меншей Иванов сын Товарков, да Василей Дмитриев сын Федорова». Под 1546 г. «в Василегороде годовали воеводы князь Василей Гага Андреевич Великого да князь Семен княж Иванов сын Гагарин, да Семен Федоров сын Киселев». Под 1547 г. «В Василегороде годовали с Петрова дни воеводы князь Иван Юрьевич Хохолков-Ростовской, князь Дмитрий Иванович Хилков, князь Иван княж Андреев сын Селеховской». Под 1548 г. «В Василегороде с Петрова дни годовали воеводы князь Михайло Васильевич Глинской, Михайло Васильевич Годунов, князь Петр княж Глебов сын Засекин, князь Василей княж Юрьев сын Шеховского». В 1549 г. в «Василегороде годовали воеводы князь Федор Андреевич Прозоровской, князь Василей княж Семенов сын Фуников, князь Данила Марамук княж Васильев сын Несвитцкого. Да в Василе же городе за городом казанского запасу берегли воеводы князь Федор княж Борисов сын Ромодановской да князь Андрей княж Васильев сын Нагаев-Ромодановской». В 1550 г. «в Василегороде годовали воеводы с Ъльина дни князь Иван Александрович Кашин, князь Семен князь Иванов сын Льяловской-Стародубсково, князь Иван княж Борисов сын Ромодановского». В 1552 г. «в Василегороде годовали воеводы Офонасей Юрьевич Сабуров, Мещанин Владыкин сын Дмитриева, князь Олександро князь Иванов сын Кемского; а годовали с Петрова дни». Сохранение записей о воеводах в Васильгороде именно с 1545 г. можно связать

с тем, что тогда начался период Казанских походов, и, соответственно, их роль возросла.

Жалованные грамоты

Жалованные грамоты говорят о разорении казанскими набегами: владений Симонова монастыря в Галичском, Костромском и Муромском уездах (грамота от 19 марта 1538 г.); села Чагадаево в Муромском уезде, принадлежавшего Троицкому монастырю (грамота от мая 1538 г.); сельца Гнездинково у Соли Галичской и деревни в Лигурге Верхнем Березовце Костромского узда, принадлежавших Троицкому монастырю (грамота от марта 1541 г.); Муромского Борисоглебского монастыря и принадлежавшей ему соседней деревни Баранова (грамота от 21 апреля 1541 г.); села Высокое, принадлежавшего Нижегородскому Печерскому монастырю (грамота от 15 января 1540 г.)⁵³. Эти документы уточняют географию походов казанцев, но уточнять хронологию по ним не следует, т. к. грамоты могли быть даны заметно позже события.

Частные и местные летописи

В официальном московском летописании записи велись регулярно, и хронология в них отличается высокой точностью. Далеко не всё местное летописание велось регулярно, и записи делались задним числом за многие годы. Смещение по годам в них – явление обычное. «Общерусские» записи в частных и местных летописях собирались из разных источников (различных летописей, документов, устных данных). Благодаря этому мы видим в них много сведений, не отмеченных в московском летописании. Но характер составления (особенно при составлении поздних списков) объективно приводил к искажениям в датировке и локальной порче текста.

В зоне казанских набегов велись местные летописи – Устюжские, Нижегородские, Галичские, Вологодские, Вычегодско-Вымская. Только последняя известна в цельном виде (велась с конца XVI в., закончена под 1619 г., но известна только

по рукописной копии начала XIX в.). Остальные известны по отрывкам и выпискам в другие летописи, преимущественно в списках XVII в. В таком виде в них можно ожидать путаницу в хронологии. Местные летописцы стали источниками и для некоторых Житий, в которых отразились набеги казанцев.

Продолжение Хронографа. Он был создан в середине XVI в., сохранился в подлиннике. Сличение его с другими летописями показывает, что многие события были непоследовательно записаны или были неправильно поставлены по годам, в т. ч. по казанским делам. Так под 7004 (1495/96) г. были записаны события в Казани с весны 1496 до весны 1497 г., причем перед событием конца 7004 г. (август 1496 г.); казанские события весны-лета 1499 г. были отнесены к 1500 г. И таких примеров много. Поэтому к датировке по годам в этой летописи следует относиться внимательно.

Под 1521 г., за записью о походе крымского хана. *«Того же лета казанский царь Саин-Гирей и со всеми казанскими людьми приходил на Муромские места и на Мещерские».*

Под 7042 (1533/34) г. *«Тое же зимы приходили многие казанские люди к Нижнему Новгороду и Новгородские места многие пусты учиниша и грех ради наших, полону без числа много поимали, жен и детей боярских, да и черных людей с женами и з детьми многих поимали».* Однако при этом под 1535/36 г. нет данных о набегах казанцев (под этим годом там только одна короткая запись). Поэтому следует говорить о смещении года в записи.

Под 7045 (1536/37) г. *«Тое же зимы многие казанские люди приходили на Костромские места и на Галичские и, грех ради и наших, волости и села многие воевали в полону много безчислено имали, и галичские места пусты учиниша».* Следует заметить, что перед этим указывались события лета 1537 г., а после – декабря 1537 и апреля 1538 г. Соответственно, это событие можно отнести и к периоду с осени 1537 г. по зиму 1538 г.

Под 1540 г. *«Тое же весны приходили на Костромские места казанские люди, Чюра Нарыков, а с ним было 8000 человек казанцов*

⁵³ Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 233–234.

и черемисы и чувашы, а воевали многие Костромские места и князь Ивановскую отчину Белского у Пятницы святые на Солдоге, и великого князя воеводы, князь Андрей Иванович Холмской да князь Александр Борисович Горбатой и иные многие воеводы со многими людьми Московские земли и Новгородские, ходили на них из Володимера и дошли их у Пятницы ж святой на Солдоге и, грех ради наших, не успе им ничего, а убыен бысть тогда на той брани на Волге князь Борис Сисеев да Василий Феодоров сын Кожин Замытской. Того же лета, апреля в 7 день, солнце погубило в 3-м часу дни, в среду, на второй неделе по пасце. Того же месяца в 20 день бысть гром силен и молния велика». Можно отметить упоминание новгородских отрядов – свидетельство того, что новгородцев стали привлекать для обороны Казанской Украйны (если не подразумевались нижегородские служилые люди).

Если была сохранена хронологическая последовательность, то событие произошло в марте. Сравнение с записью из РК-05 показывает, что данное летописное сообщение является первичным источником. Роспись воеводам Владимирской рати на 16 апреля 1540 г. не называет А. Горбатого и А. Холмского. Это говорит, что тогда была собрана усиленная рать, причиной чему был описанный набег. Такие ответные решения принимались быстро, т. е. сражение должно было быть в первых числах апреля. Это вполне соответствует упомянутой жалованной грамоте от 15 мая.

1 июля 1540 г. по князю Андрею Холмскому дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь князь Петр Андреев сын Стригин⁵⁴. Отсюда можно сделать вывод, что Холмский получил смертельное ранение в этом сражении. А. Горбатый до зимы больше не упоминался в разрядных росписях. Можно сделать предположение о его ранении.

Под 7049 (1540/41) г. «Тое же зимы приходил к Мурому казаньской царь Сафа-Кирей, а с ним было 30000 человек, и грех ради наших, Муромские места и Стародуб Ряполов и Пожарьских князей отчину пусту

учиниша и людей много в полон поимали, да и Володимерские волости воевали».

Под 7051 (1542/43) г. «приходил казанской царь Сафа-Кирей вдруге к Мурому, и Муромские места пусты учиниша и полону много поимали». В других источниках нет данных о походе хана в этом году. При этом в этой летописи нет данных о походе хана на Муром в 1537 г. Поэтому опять следует говорить о смещении годовой записи. Тем более, что вторая запись за тот год (казнь Андрея Шуйского псарями) на деле относится к 1544 г., а больше записей за этот год нет.

Под 7053 (1544/45) г. «Тое же зимы приходили на Володимерские места с казаньскими людьми в головах Амонак князь казаньской да Чюра Нарыков и воевали Пожарских князей отчину и полону много имали. Из Володимеря ходили за ними великого князя воеводы Иван Семенович Воронцов и иные всеводы со многими людьми и дошли их у Николы в Дебри и не успе им ничего. А на той брани убыен бысть Алексей Петров сын Головина, да в загонех убили Григорья Карпова сына Свечина да Петрока Колупаева сына Приклонского. А из Мурома ходил за ними князь Александр Борисович Горбатой со многим людьми и ходили за ними до Гороховца и не успе им ничего. А у Гороховца, у острогу, с казанскими людьми травилися мужики гороховцы, да взяли у казанских людей голову их Аманака князя, а воеводу Фоку Воронцова [И. С. Воронцов] со товарищи хотели гороховцы камением побити за то что они с казаньскими людьми не делали бою, а их упустили». Эта запись, судя по именам воевод, соответствовала разрядной записи за январь 1544 г. Однако в самих РК за 7053 (1544/45) г. практически нет росписей воевод по городам и пограничным полкам. Возможно, что данная разрядная запись относится к зиме 1544–1545 гг. Тем более что, согласно посольским книгам, зимой 1543–1544 гг. заметных столкновений не должно было быть. В летописи эта запись стоит после описания похода на Казань весной 1545 г., но также и под 7049 г. зимний поход казанского хана на Муром поставлен после летнего похода крымского хана.

⁵⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 41.

Под 1548 г. «сентября, приходил на Костромские места казанских людей 3000 человек, а в головах у них был Арак богатырь. И с Костромы царя и великого князя воеводы, Захарья Петрович Яковля с товарищи, дошед их, в Галичских местех, в Верхнем Березовце, побили на голову и Арака богатыря убили».

Под 1549 г. «марта, приходили казанские люди на Муромские места, а в головах у них был Мамазерь князь, а с ним казанских людей 140 человек, и воеводы царя и великого князя, князь Петр Михайлович Щенятев и иные воеводы, из Мурома за ними ходили и, дошед их за Кудмою на Костянтиновском поле, побили их наголову, и Мамазеря князя убили».⁵⁵

Летописец начала XVII в. (список конца XVII в.)⁵⁶. «В лето 7044-го приходил казанской царь Сап-Кирей изгоном к Мурому, посад и села повоевал». Здесь видим смещение датировки на год. Под 7047 (1539/40) г.: «тое ж зимы приходили казанские татарове, воевали володимерския волости, полону взяли много. Тое же зимы был бой воеводам с казанскими татары на Солдоге, у Пятницы. Казанцы побежали, пленных 74 пометали, а иной посекали». Здесь видим уникальные данные о полоне при сражении на Сологе. Костромские места заменены на владимирские. Там же при описании набегов крымцев в 1539 и 1541 гг. видим дефект текста (названы не те имена хана и его сына). «В лето 7052-го зимою приходили воевать казанцы, воевода у них Чюра Нарыков, воевали Володимерской уезд. И бой был с нашими воеводы посторонь Гороховца у Николы Бедринскаго». Это явно о набеге, описанном в Продолжении Хронографа под следующим годом. Данный вариант описания события позволил М. А. Несину локализовать место столкновения под Гороховцем.⁵⁷

⁵⁵ Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 года. // Исторический архив. Т. 7. М.–Л., 1951. С. 280-296.

⁵⁶ Корецкий В. И., Морозов Б. Н. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. Сб. статей. 1984 г. М., 1984. С. 187-218.

⁵⁷ Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор,

Казанский летописец. Это в первую очередь литературное произведение, написанное в 1560-е гг. Оно повествует об истории Казанского ханства и русско-казанских отношениях. Упоминается в нем о казанских набегах, происходивших при малолетстве Ивана Грозного. В основном там в ветхозаветных традициях описаны ужасы войны. Есть указание на направление набегов: «Низовская земля вся, Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от казанцов запусте»⁵⁸, «ходившим казанцом воиною на Руския пределы, на Галич и на Вологду, и на Чюхлому, и на Кострому»⁵⁹. Это перечисление походит на соответствующее перечисление в Никоновской летописи, вставленное под 1539 г. Единственный описанный эпизод – нападение на Балахну. Это описание изучил М. А. Несин, отметив насыщенность искажениями и противоречиями⁶⁰.

Псковская Первая летопись. Она известна по спискам конца XVI в., имеет цельный характер и точно по хронологии, но т. к. Псков был далек от Казанской Украины, то и внимание к ней минимально. Под 7046 (1537/38) г. «Тоя зимы ходиша татарове по московским городом, в Костромцины и в Муромцины, и в Галиче, и в Вологде, и монастыри честные многие пограбиша и пожгоша, и боярынь и дочерей боярских и житых людей и жен младых и отроков поведоша во свою землю»⁶¹. Обращает внимание упоминание Мурома, при том, что соседний Мурому и Костроме Нижний Новгород не назван. Это можно объяснить тем, что далекий псковский летописец совместил сообщение с нападением на Муром в январе 1537 г. Другие источники набег в район Мурома в период осени 1537 г. – зимы 1538 г. не подтверждают.

В Соловецком патерике есть глава 43 «Чудо преподобных отец наших Зосима и

походы казанцев на русские земли 1535-1549 гг. С. 466-467.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве. М., 2000. Стб. 44.

⁵⁹ Там же. Стб. 66

⁶⁰ Несин М. А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. С. 117-118.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 302.

Саватия, иже избавиша некоего человека на Сухоне от татар». Рассказ был записан в 1548 г. Он был издан Г. Кунцевичем по рукописи XVIII в., но известна и лицевая рукопись, написанная в конце XVI в. Описывается, что во время малолетства Ивана Васильевича в государстве было неустройство. *«Сия же видеши безбожнии татарове казанцы, яко змии изпольше из тины, многи страны Российскаого царства зле уязвиша: от Мурома даж и до самыя Вятки, мимо Галичь, Кострома и Вологда зле пострада; по Сухоне даже и до Устюга протече необузданное их стремление, и неизбежное воинство, черемиса же, с ними везде хождаше»*⁶². Хронологических уточнений здесь нет, указанная география набегов известна и по другим источникам. В описании события на Сухоне никаких географических уточнений нет. Зато приводится уникальная подробность целей грабежа: *«татаром же вскочившим в храмину ту, и начаша койжедо их собирати топоры и ножы и прочая вся, яже от железа и меди: и из дверей чеки и пробои исторгша, и вся, яже домовная, собраша и изнесоша вон»*.

В Устюжской летописи (списки XVII в.) после 1516 г. записи носят случайный характер. Под 7040 (1531/32) г. *«Поголовная была с Устюга к Вятке, а воевода Тереньтеи Забела»*⁶³. Под 7050 (1541/42) г. *«Ходила рать казанская татарская через Вятку на Устюг 4000 и повоевали много, все города около Устюга и волости. И много зла сотвориша и в полон поведоша; и пошла та сила Моломою рекою на плотях, и собравшись все вятские грады под Котельнич город и ту силу татарскую на голову побили на Моломе, толко ушла лесом черемиса луговая на Пижму реку»*⁶⁴.

В Вычегодско-Вымской летописи под 7048 (1539/40) г.: *«пришедшу на Великую*

*Пермь с ратью татары казанские, князя великого вотчину пограбили, пожгли, а людеи пермский посекли многие»*⁶⁵.

Вологодско-Пермская летопись.

Летопись известна в подлиннике середины XVI в., носит общерусский характер, но имеет много известий о Вологодском и других северных регионах. Под 1537 г. *«Генваря приходил безбожный Сафа Кирей казанской под Муром, а с ним Булат, князь старои казанской, да Чюра Норыков, и у Мурома посады пожег и торги, и около Мурома роспустил облаву свою. А сам стоял в селе в Глядячем, де версты от города, и стояв три дни, прочь пошол, повоевав и полону поймав безчисленно»*⁶⁶.

Под 7046 (1537/38) г. *«Приходили казанские татарове х Костроме и около Вологды воевали безчислено, и манастырь Павлову пустыню, половину ее сожгоша, а до Вологды не доходили до города шесть вест, и собра полон безчислено, отошли прочь»*⁶⁷.

Под 7048 (1539/40) г. *«Приходили татарови казаньские к Мурому и Костромы, и учинися бои пониже Костромы у Пятницы святы на Плеси. И попущеньем божеем грех ради наши убили тутю четыре воеводы больших великого князя: князя Федора Курпьяского да князя Бориса Сисеева, да князя Ондreja Тулупова, да князя Никиту Засекина, иных детей боярских много, и сами татарове побегоша. И придоша на них воеводы великого князя царь Шихалеи да князь Федор Михайлович Мстиславской и побиха татар много, а инья по лесом розбегошася и от мраза изомроша, мало их оставшася, а полон великого князя отполониша весь»*⁶⁸. Эта запись – сторонняя вставка – сделана иной рукой, хотя тоже в XVI в. Она явно собрана из разных известий. Совмещены поход Чуры Нарыкова в костромские места весной 1540 г. и поход Сафа-Гирея к Мурому в декабре 1540 г. Ф. М. Мстиславский к 1540 г. умер, на Казанском фронте не участвовал даже в

⁶² Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. С. 309-310. Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 232.

⁶³ ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982. С. 103.

⁶⁴ Спицин А. А. Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883. С. 35.

⁶⁵ П. Г. Доронин. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257-271.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. Л., 1959. С. 317.

⁶⁷ Там же. С. 318.

⁶⁸ Там же. С. 324.

Муромской кампании 1537 г. (только в походе из Мурома на пришедших в нижегородские места казанцев весной 1536 г.). Если в Продолжении Хронографа убитыми в сражении на Сологде названы Б. Сисеев и В. Ф. Замыцкий, то тут названы только Сисеев и трое иных воевод (из этих 5 только Курбский известен ранее как полковой воевода). Утверждения, что в Муромской кампании удалось отбить весь полон, нет даже в официальной летописи.

«Летописец написан из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земле» является кратким списком XVII в. из разрозненных записей. Под 1536 г. *«генваря в 18 день приходили татарове казанские в Вологоцкой уезд в Жиленховскую волость и многих людей посекли, а иных в полон взяли»*⁶⁹. Далее идут записи с 1552 г. общерусского характера. Соответственно, год данной записи может быть неточен.

Один из списков «Свода 1497 года» составлен в 1630-е гг. в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре и имеет в конце дополнительные записи. Под 7040 (1531/32) г. *«Приходили казанские татарове на рускую землю, после крещения, по грехом нашим высекли да и в полон вывели многое множество христиан, а воевали волости Толшму, да Тиксну, да Сянжему и в монастыре Еоуфимневе были, да 3 келии сожгли и церковь зажигали, да, бог помилов, не загорелася, да волость Тавто до Городишную, да и иные многие дочиста пусты доспели, а стояли на Толошме 2 недели, а к себе пошли на масленой недели, в четверг. А заметня велика была по волостем и в городе: на Вологде, и на Оустюзе, и на Тотме. Того же лета, на весну, князь великий с казанскими татарами перемирия взял. Своего царя князи казанские збили, а князь великий своего цари посадил, Ших-Алеева брата, Зевендея именем»*.

Под 1535 г. *«Октября в 8 день приходили татарове и черемисы на Оунжу на Шишкилево, да на пустыню на Большую, на Чюхлому, да на Глазуново, да к Галичю*

*городу волостьми, да в Галиче половину посада пожгли, а другую отняли, да оттуду посла сила на двое в землю пошли на селца митрополии, а стояли матица близко Оусольна на Пупчеве да на Дорку на Достофеева, а воевали Кургу да Чермагему, да Романцов, да Залесье, да Чюдиу, да Жилино, да два Березовца, да Холм Шареев, да Слуду, да Лосево Рамение, да Жохово, да Турдево, да выевали волости около Галича»*⁷⁰. Поскольку в официальном летописании под октябрём 1535 г. отмечено только известие о перевороте в Казани, а начало боевых действий отнесено позднее и в данных летописных записях до 1547 г. ничего более не отмечено, то можно допускать неточность отмеченного года.

Галицкая летопись известна по выписке из списка XVII в. *«Под 1521 г. мая в 26 день, приходили татаровя казаньския с черемисою на Унжеския волости и на Парфян, и много зла учинили и в полон поведоша, а иных иссекоша и поидоша проч. И унжесня на переем приидоша и много с татары бишася, и много татар и черемисы побииша и плен весь отяша, и на костях сташа.*

Того же лет, месяца июня в 4 день, приидоша татаровя по Унжю, и к городу приступиша, и мост зажгоша и ворота. И поможет Господь Бог унжжаном, татар много побииша пицалма и пушками. А волости поплениша и полону много взяша и долго стояли и прочь поидоша». Далее сообщение о крымском походе на Москву в августе 1521 г. *«Того же лета приходили татаровя в Жегово и Нойду и в Шартаново и на Толшму [Верхняя и Нижняя Толшма – правые притоки реки Сухоны] и до Сухоны доходиша. В единой волости Толшма в полон взяли и изсекли полсемь тысячи [6500] христиан»*.

1522 г. *«Сентября в 15 день, приходили татаровя и черемиса в Галецкая волости и поплениша их много, а люди иссекоша и заставу великова князя в Парфенъеве разгнаша, а воеводы съсекоша, а иных в полон поведоша. Того же месяца сеньтября в 28 день, ударишася татаровя на Южню безвестно на монастырь, и церковь Николы*

⁶⁹ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 60.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497. Летописный свод 1518. Л., 1963. С. 162.

чюдотворца ожъгоша и людем в полон поведоша, а иных иссекоша. И воевода галеческого Андрея Пиялова поиде за ними в погон з галичскими детми боярьскими».

«В лето 7043, приходили татаровя и черемиса в осень. И того году заложили Любим, да Буи, два горотка, и поставили». Буквально эта запись говорит о набеге осени 1534 г., но сообщение о Буйгородке говорит о 7044 г., а о Любиме – о 7046 г. Далее: «В лето 7046 [1537/38 г.] приходила рать большая зимняя, а ходили до реки до Комелы [левый приток реки Лежи, бассейна реки Сухоны]. В лето 7047 г. была весна долга, на санях ездили до Троецкие вечерни. И тое весны заложили город Жиланской. В лето 7048 [1539 г.], сентября в 20 день, пришел Чюра Нарыков великою ратью и тот град взял»⁷¹.

В составленном в конце XVI – начале XVII вв. Житии Корнилия Комельского записано под 1536 г.: «Бысть нашествие безбожных татар, и многие места поплениша, даже до Вологоцких пределов доидоша, ... и от нашествия поганых православные не только мирская чадь, но и все монастыри разбегошася». Сам Корнилий «уклонился в Белозерские пределы, на Ухтому». «Татары» сжигали селения и «множество в плен поимаша».⁷² По замечанию М. А. Несина, хотя к 1538 г. святого, вероятно, уже не было в живых, но в позднем житии этот эпизод мог появиться как отражение именно похода татар зимой 1537/38 г.⁷³

В составленном не позднее первой четверти XVII в. Житии Павла Обнорского описывается «нахождение иноплемненных» в январе 1538 г.: «приходили казанские люди на Русь и много зла учинили, многих христиан мечю предаща». Монахи «по странам разыдошася, не имуще с собой ничегоже, разве одежда, яже на себе ношаху». Казанцы

сожгли монастырь, убили оставшихся монахов и крестьян.⁷⁴

В Воскресенском Новоиерусалимском списке Софийской летописи (начало XVII в.) помещен «Отрывок Русской (Новгородской) летописи с 1445 по 1553 г. В известиях за XVI в. он является компиляцией разных источников. Под 7032 (1523/24) г., после сообщения о постройке Васильгорода, сообщает: «Того же лета, месяца октября в 17 день, на память святого пророка Иосия, приходили татарове под Галич: посад пожгли, а град Господь сохранил неврежден, и отъидоша»⁷⁵. Отсутствие этого сообщения в приведенном списке Галичской летописи можно объяснить тем, что записи за 7032 г. там отсутствуют. Правда, там нет и записей за 7030 г., т. е. событие можно предполагать и осенью 1521 г. (соответственно, в Галицкой летописи нет сообщения о нападении на Унжу летом 1522 г.). Это событие произошло на фоне русского наступления на Казань. «Великий князь дистизает Новагорода Нижняго, августа в 23, а отпустил под Казань царя Шигалея в судовой рати по Волзе, а ним воевод своих, такоже и полем конную со многими людми, а велел пленити казанские места. И возвратиша здрави, мног плен с собою черемиской приведоша. Сентября в 1 срубили на Суре Василь город. Сентября же в 15 князь велики государь возвратиися из Новагорода с братьею на Москву»⁷⁶. Т. е. хронологически – это ответ после русского наступления (аналогичный набегу к Галичу осенью 1467 г. после русского наступления на Казань⁷⁷).

В «Житии Макария Желтоводского и Унженского» (написано около 1552 г.) описываются два нападения казанцев – на Унжу в 1522 и на Соль Галицкую в 1532 г. (текст дан в переводе). «5 июля 1522 года в день памяти преподобного Афанасия Афонского. В этот день, в наказание за множество наших грехов, городу Унже

⁷¹ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. С. 601–603.

⁷² Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 231.

⁷³ Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. С. 443.

⁷⁴ Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549). С. 231–232.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 281–282.

⁷⁶ Там же. С. 264.

⁷⁷ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. С. 37–38.

случилась великая напасть от язычников. Подошла к городу большая рать поганых, и хвалились враги Христовы взять его. Окружили они Унжу, а числом их было 20 тысяч. Невелик город Унжа, но имеет великого и крепкого помощника – блаженного отца Макария Желтоводского, который возлюбил этот город, пришел сюда, здесь же и передал душу свою в руки Господа.

Эти дерзкие варвары стремительно подступали к городу; некоторые из них стреляли, некоторые поджигали дома. Три дня и три ночи неослабно сражались с ними защитники Унжи. Наступил в городе великий страх и ужас.

Воевода города Федор Супонев созвал тогда горожан на совет, спрашивая, как избыть им беду варварского нашествия. <...>. Так он молился, а варвары в то время подступили к городу и зажгли его. И был огонь на полгорода. <...>. И тут же молитвами преподобного начался столь великий дождь, что город затопило; пламя угасло. И тут напал на варваров великий страх, началось смятение в их полках, и случилась между ними злая сеча. Граждане многих из них захватили и отвели к городскому воеводе. <...>

Из той рати 300 варваров бежали за реку Унжу, и так оказались варвары у обители преподобного. Увидели поганые варвары обитель святого и стали помышлять разорить ее. Господь за наши грехи, а также еще более желая прославить угодника своего Макария, позволил им захватить монастырь. <...> Воистину явилось преславное чудо: ходили варвары по церкви туда и сюда, не видя ничего вокруг. Тут подоспели христиане и стали бить ослепленных. Варвары, исполненные смертного ужаса, побросали оружие и побежали к реке, как будто кто-то их гнал. <...> С тех пор поганые не только сами не творили зла обители, но и другим варварам заповедали не приближаться к обители святого. А если случалось злым варварам идти ратью мимо монастыря, то отряжался большой отряд стеречь ворота обители. Так была помилована обитель святого.

18 января 1532 года. Огромная рать поганых вторглась на Галицкую землю,

войско в 14 тысяч человек подошло к городу Солигаличу. <...> Варвары напали на город внезапно и обложили его со всех сторон. Враги веры и истины жестоко нападали на город: одни пытались его поджечь, другие обстреливали. А в городе были великий ужас и печаль, плач и стоны наполнили все. Три дня и три ночи бились горожане с варварами. <...> Горожане (знали они, что святой был небесным заступником Галича) и, желая помощи святого, стали просить предстателей Христовых, чтобы для всеобщего обозрения вынесли они из церкви образ чудотворца Макария, облеклись в священнические одежды и вместе с народом сотворили молитву. <...> Так они молились в великом ужасе, а за городскими стенами, в солеварнях, шел неутихающий бой с погаными. Наступила Святая Пятница, и вдруг ворота города отворились, и многие (но не все, а лишь боящиеся Бога и просвященные душами) увидели мужа, украшенного сединами; одеяние на нем было иноческого чину, огненное, багрового цвета. И был под этим старцем прекрасный сивый конь. Выехал старец из города и так обратился к поганым: «Беззаконники и злодеи, если вы не отступите, то будете побеждены!» Услышали это варвары, и началось смятение в их полках, напал на них великий страх, и не знали они, куда бежать. А пудари из солеварен во множестве убивали варваров»⁷⁸.

Нижегородский летописец составлен в конце XVII в. Известен по нескольким спискам. За XVI в. текст представлен рядом сохранившихся летописных и административных записей. Под 1520 г. «Тогож года августа 21 день к Нижнему Новгороду казанские князи Сеит да Булат, да Кочелей, и воеваша около города в Березполье и до Клина, и взяша полону много, и пришед по город, стояли три дни, и ни что сотворише отъидоша вспять».

Под 1537 г. «Казанский царевич приходил войною под Муром, и посады около града пожег, и к нову граду Нижнему приходил, и у города стоял три дни: и у нижегородцов с татары бой велик был от

⁷⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005. С. 281-289.

третьяго часа до девятого, и татары верхней посад выжгли, и погорело двести дворов». М. А. Несин в своей статье сделал предположение, что сведения о нападении на Нижний Новгород являются смещением с 1536 г.⁷⁹ Сомнение вызывало то, что под Муромом хан потерпел неудачу. Но это следует только из прочтения официальной летописи, которая могла представить событие в выгодном свете (при этом другие летописи показывают успешный набег). О том, что одновременное нападение на Нижний Новгород – это не совмещения летописцем двух событий разных годов, говорит выше приведенная разрядная запись из Постниковской летописи.

В основном списке после этого следует запись. *«Тоежь зимы или татарове от Юрьевца на Балахну, и на Городец и много зла учинили, а нижегородцы на Волге и Оке лед окололи, и татарове нижегородцам зла никакого не учинили».*

После 7048 (1539/40) г. стоит 7082 (1573/74) г. *«Того же года пришли к Нижнему Новуграду казанские татарове и убили под городом нижегородских дворян 36 человек, а иных в полон взяли»*⁸⁰. Г. З. Кунцевич считал, что должен стоять 7052 (1543/44) г.⁸¹

В Ленинградском списке Никаноровской летописи (последняя четверть XVII в.) есть вставка – Хронограф, включающий и записи из Нижегородской летописи. Под 7044 (1535/36) г. *«Тое же зимы воеваша казанские татарове около Нижнего Новаграда и Березополие, и Гороховец, и много крестьян изсекоша и поплениша. То ж лета поставили на Балахне град балахонцы собою, повелением царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси».* Под 7045 (1536/37) г. *«Приходил Асафа Киреи казанской князь под Муром и посады около града пожег, а граду не успе ничто же, и по том шол к Новуграду Нижнему, и под Новым-градом Нижним билися с татары с*

третьяго часа до вечера, и татар много побили, и поиди царь в Казань мимо Новъграда со срамом». Под 1541 г. *«Сентября, приходили казанские татарове к Нижнему Новуграду и убили под посадом нижегороцких бояр 36 человек, а иных живых плениша и отъидоша паки в Казань»*⁸². В одном из списков Нижегородского летописца последнее событие отнесено к декабрю 1541 г., а также отмеченное выше событие августа 1520 г. отнесено к 1521 г.⁸³ (что согласуется с реальным событием).

Письма казанского хана

Сохранилось три письма польскому королю от казанского хана Сафа-Гирея периода второго правления. Из них первые два включали сведения о войне с Россией⁸⁴. Этот источник аналогичен русским посольским книгам, однако мы можем видеть только «речи послов» в литовском (западнорусском) переводе. Такой источник объективно показывает ситуацию в свете создания выгоды переговорам. Ценность его в синхронности описываемых событий (и это единственный сохранившийся «взгляд с казанской стороны»). Прямых хронологических указаний нет. При издании даты их написания ограничили периодом с апреля 1538 (начало русско-казанских переговоров) и 1544 г. (отход короля Сигизмунда I от правления). Однако вопрос о датировке требует уточнения, о чем пойдет речь ниже. Вопросы есть с определением населенных пунктов, приведенных в письме: издатели определили как «Касимов» и «Ханкирман», и «Касым олтанов городок». Как «Муром» были определены и «Борсума», и «Бор».

«А даю те же вашои милости знати отцу своему великому королю, кдым приехал на царство Казимирское [должно быть, описка – «Казанское»], а тогда мя вси мурзы и вланы и вся рада тое земли козанской мене,

⁷⁹ Несин М. А. Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. С. 117.

⁸⁰ Гасицкий А. С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. С. 31–35.

⁸¹ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. С. 311.

⁸² ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 2004. С. 142.

⁸³ Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 158.

⁸⁴ Мустафина Д. Послание царя Казанского // Эхо веков, № 1/2. 1997. С. 26–34.

сына вашей милости, согбе вдячне государем приняли; еся те же сын вашои милости зо всеми князьми мурзы и вланы земли Козанскои в одно слово змовившиися и того есмь царя, которого московский был прислал на царство Козанское, згубили. Послов есми московских казал поимати и до казни посажата, а инших велел есми потратить. И землю есми его взял. [Речь явно идет о свержении Джан Али в сентябре 1535 г.]. Которую землю его взял у свою моць, и дань ми теперь с тое земли идет, которая земля есть Накратская [Вятка], с тое земли предком нашим царем козанским дань хаживала. Ино, кды Казань была зашла за московского, московский тую землю к себе привлащил и дань, которая хаживала предком нашим, на себе брал. Ино и теперь до нас присылали старшии тое земли Нократскои, хотячи в доле сгародавного обычая мне служити и дань давати тую, которую давали предком нашим царем козанским. А так я, сын вашей милости, в долгу приречья слова своего хочу полнять: приятелю вашей милости приятелем быти, а неприятелю вашей милости неприязнья хочу саблюю своею доводите.

А иштом я посылал до вашои милости первеи сего гонца своего на имя Гамзу, о здоровьи вашей милости отца своего навежаючи, и о том те же вашои милости отцу своему поведаяючи, што же отсель есми на том царстве мрем на Казани посылаю до земли неприятеля вашей милости московского воевати сорок тасяч людей, а над тыми людьми старшим был Козучак улан. И оный Кузучак улан был за Окою рекою со всеми тыми людьми и выжог место и замок на имя Борсуму. И шкоды не вымовне великии починили в земли неприятеля вашей милости и пришли вси в целости со всем пожитком зася назад. Ина потом я, сын вашей милоста, хотячи легшую и поволнешшую послугу вашей милости отцу своему вчинити, послалом в землю неприятеля вашей милости московского воевати Ямурч аталыка и далом ему в моць семьдесят тысяч людей. И он те же, втягнувши в земли неприятельскую с тыми людьми всеми, воевал и пустошил и был зо всеми с тыми людьми оли же за Кирмянчиком под Боркаучом, выпустошивши

и выпаливши землю неприятельскую, зася в целости пришли до нас государя своего. Ина потом, по их приходу, посылаю слуг своих десять тысяч людей в землю неприятельскую. И оный слуги наши, вшедши в землю неприятельскую, воевали и пустошили и сожгли место на имя Балаханю и зася до нас в целости пришли со всем своим пожиточным. И те же ваша милость отец мои рачил вырозумети с того писанья листу моего, который до вашои милости писал через служебника моего Гамзу.

И прислали ваша милость отец мои до мене, сына своего, слугу своего толмача татарского Афендея з листы своими, а быху я был приятелю вашей милости приятелем, а неприятеля вашей милости московского быху землю пустошил. Кды же оной посланец вашей милости Афендеи толмач пришел з листы вашей милости, а те же вырозумел з листов вашей милости отца моего. Послалом в землю неприятеля вашей милости московского воевати десять тысяч людей. И оны люди наши, вшедши в землю неприятельскою, землю его пустошили и воевали и замок касымовского царевича сожгли на имя Намрлын и зася в целости до нас пришли. Я, сын вашей милости, будучи хотячи лепшую послугу вашей милости отцу своему вчинити, и послалом в землю неприятеля вашей милости Ахмагма улана з сорокма тысячьми людей. И он виол в землю московского и воевал и пустошил и зася в целости до мене пришел.

А на потом я, сын вашои милости, хотячи мети лепшую а вернейшую послугу вашей милости вчинити, хотячи еще землю неприятельскую пустошити, и потягнулом сам своею головою со всем своим войском в землю неприятельскую и взялом з собою весь полк того посланца вашей милости толмача Афендея, абы он тую послугу нашу видел и перед вашои милостью отцем моим поведал. И утягнувши в землю неприятельскую с тыми своими людьми со всеми, и землю есми его пустошил и брал и замок есми его спалил на имя Бором. И тое войско наше, которое ходило у загон, дошло оли же под Володимер и выпустошивши землю неприятельскую. И оная десять тысяч людей были аж под Кострамою и,

пустошивши землю его, зася пришли в целости до нас.

И который князи мурзы и вланы козанские есть под моею мощью, тыи вси видячи по мне же: я, сын вашей милости, естем добрым приятелем вашей милости. И они ту же мне государю своему присягу на том вчинили, иже мают приятелю вашей милости быти приятельми, а неприятелю неприятельми. А который есми послуги вашей милости чинили в земли неприятеля вашей милости московского, ваша милость рачьте пытати у толмача своего Афендея, тот тое послуги нашоу сведом.

А поведаю те же вашей милости отцу своему, што же Мамай мурзын сын приехал до нас з десятьми тысячми людей, хотячи мне послугу вчинити направивку неприятеля вашей милости московского, и очтарханский Аврагман царь прислал тысячу людей мне на помочь; тыи те же и вси люди теперь при нас есте. А поведаю те же вашей милости отцу своему, што же князь великий московский присылал до нас послов и гонцов своих, просячи и же даючи мене, а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял. И я того не хотел и миру з ним не принял.

И теперь тоя земля так есть пуста, до которое земли люди есми свои сылал и те же сам своею головою был и от Володимера до Борома итням, а восху Костроме, Юнкчеюч, Беле-хана [Балахна] до самого Кирменчика и оттоль зася до Студеного моря, Касым олтанов городок и иниши многии земли и города неприятеля вашей милости московского пусты есми вчинил. А тому есть всему сведетель - толмач вашей милости. Ино, хвала милостивому богу, теперь неприятель вашей милости и наши те же московский упад немалый принял от нас. У панстве своем вашей милости панства отца моего и наши те же немало ся повышили. А и те же теперь рачи ваша милость так мыслити, яко бы добре было, а с позиточным вашей милости отца моего, бо я теперь, сын вашей милости, млю все войско нагауское и оштарфанское у своей мощы, ваша милость рачи о том ведать. И к тому те же наша орда козанская присягнула ми на том, иже млют мне верне а справедливе служите.

А послалом до вашей милости с тым моим листом присяжным подскарбего своего Богуша. А што буде вашей милости отцу моему он мовити, ваша милость рачием верите, бо то есть наша речь. И те же рачил бы ваша милость до мене прислати посла своего, которого доброго человека, и неомешкиваючи, абы приятель вашей милости и наши, слышачи межи нас таковую ходу, быти тому велел, а неприятельское бы серцо ныло.

Лист писан у Казани. От Сапкирея царя.

От Сапкирея царя. Слово. Божью милостью королю польскому великому князю литовскому рускому прускому и далее, отцу моему великому королю Жикгимонту.

Поведаю вашей милости отцу моему, што же есми для послуги вашей милости хотячи землю неприятеля вашей милости московского, поднял есми нагауского мурзы сына Мамай мурзина Алей мурзы, с ним было людей десять тысячеи. А к тому те же царь ариштафанский прислал было мне тысячу людей, и те же тым своим князем мурзам вланом давалом им всим, хотячи послугу вашей милости вчините. А за то вашей милости отца моего покорне прощу, абы ваша милость рачил ласку свою вчините, а мне, сыну своему, прислати тысячу золотых, чим быху мел тых князей мурз вланов от вашей милости обделите, абы они на потом те же были, к помуде вашей милости охотней или. А то бы ваша милость отец мой рачил для моег прозьбы сына своего вчините. А ест ли бы была ласка ваша милость и ваша милость тую тысячу золотых мне послати, ваша бы милость рачили их тому посланцу моему Богушу дате.

Писан у Казани».

В первом письме видим описания хода войны. Вопрос о дани с Вятки стоит открытым – насколько это соответствовало действительности (так могли отразиться единовременный откуп или даже обещание откупа с некоторого числа волостей). Первый поход за Оку к «замку Борсуму» с 40 тыс. людьми возглавил Кузучак улан (Кошак-улан русских летописей). Его можно соотносить с нападением на нижегородские места 24 декабря 1535 г., а также с сообщением

Нижегородского летописца о нападении казанцев на Гороховец и Березполье. Березовое Поле – район южнее Нижнего Новгорода, между устьем Оки и Волгой. Гороховец уже расположен на левом берегу Оки. С ним можно соотнести сожженную «за Окой» «Борсуму» (хотя по созвучию можно предположить село Ворсму, в 10 км восточнее низовий Оки, как раз на пути от Березполья к Гороховцу).

Второй поход аталыка Ямурчи с 70-тыс. войском «за Кирмячиком под Боркаучом» можно соотнести с появлением казанцев под Коряковым в январе 1536 г. «Кирмянчик» можно перевести как «Городец». Тогда как раз и получается, что поход был направлен севернее Городца на Волге, в район Коряково и Юрьевца (с тем же результатом можно считать, что «Кирмянчик» – это Нижний Новгород). Можно допустить соотношение «Боркауча» с Юрьевцем. Направление этого набега подтверждает то, что спешно начали строить город Буй, расположенный к западу от Галича и к северу от Костромы.

Третий поход хорошо соотносится с нападением на Балахну 6 января 1536 г.

Следующие походы произошли через некоторый промежуток времени, когда прибыл посланник от короля. Рейд 10-тыс. войска на владения касимовского хана можно связать с сохранением сведений от 20 февраля о воеводах в Муроме и Нижнем Новгороде (с этим событием можно связать строительство Темникова). Следующий поход Ахмагама улана с 40-тыс. войском можно связать с нападением на нижегородские места в марте 1536 г.

Далее речь шла о походе самого казанского хана на Муром (январь 1537 г.). Также речь шла о нападении 10-тыс. войска на Костромской уезд. Буквально по тексту это событие произошло во время похода на Муром, но его можно связать с событиями июля-августа 1536 г.

Следует обратить внимание на обобщенное описание результатов походов: *«от Володимера до Борома итням, а восху Костроме, Юнкчеюч, Беле-хана до самого Кирменчика и оттоль зася до Студеного моря, Касым олтанов городок»*. Все города, перечисленные в описании походов, перечисляются здесь без добавлений.

Исключением оказываются «Юнкеюч» в списке и «Боркауч» в описании походов. Можно утверждать, что это написание одного и того же города (Юрьевца, который как раз находится между Костромой и Балахной). В таком случае появляется ряд Кострома – Юрьевец – Балахна – Нижний Новгород, который соответствует географической последовательности. В списке не названа «Борсума», что может говорить о ней как об относительно незначительном пункте.оборот «до Студеного моря» выглядит полемическим добавлением, указывает на направление походов, а не точный ориентир.

Соответственно, описание походов заканчивается январем 1537 г.

В письме упоминается астраханский хан Абдул-Рахман. Можно попытаться рассмотреть варианты периода, когда он мог быть союзником Казани и противником Москвы. Для этого обратимся к работе И. В. Зайцева об Астраханском ханстве⁸⁵. Автор отмечает, что Иван Грозный в период полемики с А. Курбским писал, что Астрахань была враждебна в период малолетства и регентства матери. Но при этом утверждается, что это ошибка, и речь шла о хане до Абдул-Рахмана⁸⁶.

Абдул-Рахман начал править в Астрахани не позднее августа 1533 г., отправив посольство в Москву с грамотой о дружбе⁸⁷. Однако русские посольства в Крым и к ногайцам в 1534–1536 гг. имели поручения разведывать о внешней политике Астрахани⁸⁸. Согласно наказам, данным русским послам в Литву, летом 1536 г. послы из Астрахани были отправлены назад с русским посольством. Однако известно только, что 16 сентября 1536 г. государь отправил в Астрахань посла Быкова, который имел статус ниже посольского. Он вернулся 30 августа 1537 г. с послом Ишимом и договором о дружбе. Но уже в октябре Абдул Рахман был свергнут⁸⁹. Точность речей московских послов в Литве всегда можно ставить под сомнение (были ли отправлены

⁸⁵ Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 279.

⁸⁶ Там же. С. 127.

⁸⁷ Там же. С. 117.

⁸⁸ Там же. С. 118–120.

⁸⁹ Там же. С. 126.

послы или гонцы в Астрахань или только собирались; какой был статус астраханских послов). Т. о., в период первого правления Абдул-Рахмана, кроме самого его окончания, не прослеживаются тесные отношения Астрахани и Москвы. В это время Абдул-Рахман и мог отправить отряд в помощь казанцам.

Примерно летом 1539 г. Абдул-Рахман вернулся на престол, отправил посла в Москву. 20 сентября 1539 г. астраханский посол вместе с русским послом А. Повединым отправился в Астрахань. 6 июля 1540 г. в Москву прибыл астраханский посол, а 20 сентября вместе с ним в Астрахань отправился новый русский посланник. 4 октября из Астрахани прибыли «большие послы» вместе с А. Повединым. Была договоренность о дружбе и союзе. Послы вместе с новым русским послом Небезиным были отпущены в Астрахань 28 мая 1541 г. 8 июля 1542 г. вернулся в Москву с астраханским послом Ишимом. 12 августа Ишим с русским гонцом отправился в Астрахань. 23 декабря русский гонец вернулся с новым астраханским посланником⁹⁰. Здесь уже видим, что хан не просто отправил гонца в Москву после начала правления, но речь идет о постоянном тесном контакте с посольствами высокого уровня. Как раз в это время о помощи астраханцев Казани нет оснований говорить.

Сообщение в письме о 10 тыс. ногайцев и 1 тыс. астраханцев соотносится с летописным сообщением о ногайцах в войске Сафа-Гирея под Муромом в 1537 г. Лидер западных (волжских) ногайцев Мамай-мурза посылал своего сына на помощь Сафа-Гирею в Казань еще в 1530 г. (может, даже того же – Алея). Он мог посылать помощь и в 1530-е гг., и в начале 1540-х гг. (скорее всего, его ногайцы были в Муромской кампании декабря 1540 г.).

Можно обратить внимание на отсутствие всяких намеков на поход крымского хана в 1541 г. и вообще на поддержку со стороны Крыма (хотя это был бы важный аргумент для польского короля о вступлении в союз). В 1534–1537 гг. активно

шла война между Сахиб Гиреем и Ислам Гиреем (пока последний летом 1537 г. не был убит ногайским мурзой Баки). Отношение Сафа Гирея к сторонам в этой борьбе источники прямо не называют.

Можно предполагать, что первое письмо относится к весне 1537 г., после последнего описанного в письме похода. Тогда астраханский хан еще не склонился к прочному союзу с Россией, в Крыму еще не закончилось противостояние за престол. Можно предполагать, что ногайцы и астраханцы, для которых Сафа-Гирей просил у короля денежной субсидии, участвовали в набегах осени-зимы 1537–1538 гг.

Реконструкция хронологии войн

Война 1521–1524 гг. Приготовления к

отражению похода крымского хана начались в мае 1521 г. Войско крымского хана было за Окой с 28 июля до середины августа, а затем на некоторое время задержалось в Рязанской земле. В этих условиях и состоялись набеги казанцев. Казанский хан совершил набеги на Муромские и Мещерские места (согласно Продолжению Хронографа). Галицкая летопись сообщает о нападениях казанцев 26 мая на унженские волости и Парфянский посад (там произошло столкновение унжян с казанцами, у которых удалось отбить полон, но преследовать их не стали). 4 июня казанцы напали на Унжу (город был оснащен пушками и пищальями), опустошили окрестности и ушли с большим полонем. Затем казанские набеги опустошили волости Вологодского уезда (Жегово, Нойда, Шартаново, Толшма), доходя до р. Сухоны. Нижегородский летописец сообщает, что 21–24 августа казанское войско, возглавляемое князьями Сеитом, Булатом и Кочелеем, осаждало Нижний Новгород, успешно повоевав окрестные волости (в Березполье до Клина).

Галицкая летопись сообщает о нападениях и в 1522 г. 5–8 июля происходила осада Унжи (там сидел воевода Федор Супонев). В сентябре казанцы совершили успешные набеги по галицким волостям, 15 сентября была разгромлена застава в Парфяневом посаде (военачальники погибли или попали в плен), 28 сентября было

⁹⁰ Там же. С. 128–132.

совершено успешное нападение на монастырь Николы Чудотворца на Унже, после чего галицкий воевода Андрей Пиялов с местными силами пошел за казанцами в погоню. В ответ на большой русский поход на казанские места 17-20 октября 1523 г. казанцы осаждали Галич, спалив посад. Были нападения «черемисов» на муромском направлении. Мир 1524 г. не снял опасности, т. к. в Казани продолжал сидеть враждебный России хан.

В июне 1521 г. роспись воевод отмечена только в Мещере, Муроме, Нижнем Новгороде – направлениях, которые подвергались опасности в прошлую казанскую войну (1505–1507 гг.). Опустошительные казанские набеги на галицкие и вологодские места заставили обратить внимание на эти направления Казанской Украйны. Роспись августа 1527 г. показывает воевод в Муроме, Мещере, Нижнем Новгороде, заволжских городах (Костроме, Чухломе, Унже, Плесе). Это относилось ко времени похода крымского царевича Ислам-Гирея – видимо, опасались, что, как и в 1521 г., произойдет одновременное нападение крымских и казанских сил. Другие росписи «воевод от казанской украйны» за 1522–1530 гг. не сохранились, но и подобных опасностей больше не было (сохранялись и были интересны для поздних местнических дел прежде всего росписи, связанные с важными военными событиями).

Война 1531–1532 гг. В октябре 1531 г., согласно разрядной записи, стала собираться 5-полковая рать у Нижнего Новгорода, которую возглавлял В. В. Шуйский (всего 11 воевод). Также воеводы отмечены в Костроме, Галиче, Унже, Чухломе. Устюжская летопись говорит об организации обороны Вятской земли, куда в полном составе прибыла Устюжская рать. Согласно официальной летописи, 10 декабря государь отправил в Нижний Новгород Шейх-Али и представителей казанской оппозиции. В этих условиях Казанское ханство предприняло наступление. В январе 1532 г. казанское войско вторглось в Галицкий уезд. Из солигаличского летописного известия следует, что 18-22 января была осада Соли Галицкой. Согласно разрядной повести,

против казанцев выступили все воеводы с Чухломы, Унжи, Галича, а также воевода с Костромы (всего 5 полков и 9 воевод). Эта рать столкнулась с казанцами на Унже. Согласно вологодскому летописанию, в январе–феврале (после Крещения и до четверга масленой недели) казанские отряды опустошили вологодские волости (Толшма, Тиксна, Сянжема, Тавто, Городишная и др.; в Толшме стояли лагерем 2 недели); была военная тревога в Вологде, Тотье, Устюге. Возможно, были нападения и на других направлениях. Война закончилась в мае, со свержением Сафа-Гирея.

Если под 1531 г. разрядная запись не упоминает Плеса, то под 1527 г. – Галича. Возможно, их упоминание просто не сохранилось. В обоих случаях упоминаются Унжа, Чухлома, Кострома. Т. о. сформировалась система воевод в заволжских городах. После 1521 г. продолжали назначаться воеводы в Нижнем Новгороде, Муроме. Всё это образовывало систему обороны Казанской Украйны. В 1532 г. видим, что при выдвигении против вторгнувшегося противника воеводы из городов образовывали полки.

Война 1535–1538 гг. Официальная летопись позволяет определить примерное время начала военных действий. Переворот в Казани произошел в сентябре, но еще в конце ноября происходили дипломатические контакты. Строительство с 17 декабря Кадома в Мещере можно рассматривать и как оборонительные мероприятия, и как выдвигение к казанским владениям укрепленной границы (т. е. пунктам потенциального наступления). Примерно в это время начались военные действия. Хан послал войско Кошак-улана (согласно казанской посольской грамоте). Согласно официальной летописи, из Мещеры в набег на казанские места выступили воеводы С. Гундоров и В. Замыцкий (русская сторона рассчитывала на оппозицию хану). Достигнув р. Суры, они увидели следы движения казанцев и вернулись назад. Ночью 24 декабря этот казанский отряд внезапно напал на нижегородские места. Нижегородским воеводам было приказано оставаться на месте. Согласно нижегородской летописи,

казанцы совершили поход вдоль Оки, к Гороховцу и Березполью.

Более крупное казанское войско аталыка Ямурчи (согласно казанской посольской грамоте) двинулось в сторону Юрьевца. Согласно официальной летописи, казанцы достигли Коряковой слободы, когда против них двинулись и сразились воеводы С. Д. Сабуров и И. С. Карпов. Это сообщение можно соотнести с известием одного из списков Нижегородской летописи, отнесенного к следующему году, что когда казанцы от Юрьевца (т. е. района Коряковой слободы) двинулись по направлению к Балахне и Городцу, то нижегородцы заняли оборону по Оке и Волге, расколов лед. С целью усиления обороны Костромского уезда был построен городок Буй на р. Кореге.

Согласно официальной летописи, разрядной записи и казанской посольской книге, 6 января казанский отряд внезапно напал на Балахну – незащищенный посад с боем был сожжен (летом-осенью Балахна была укреплена). При приближении воевод из Нижнего Новгорода казанцы благополучно ушли с полоном и добычей (возможно, согласно записи в разрядной книге, при этом произошло удачное для казанцев столкновение).

В середине февраля казанский отряд, согласно казанской посольской грамоте, совершил нападение на владение касимовского хана (с этим можно связать фиксацию 20 февраля воевод в Муроме и Нижнем Новгороде в РК, а также строительство нового, более крупного, города Темникова в марте-августе; начало строительства отмечено в официальной летописи через два дня после окончания строительства Кадома, т. е. крепость строили те же мастера).

Затем в разы более крупное войско Ахмагама, согласно казанской посольской грамоте, двинулось к Нижнему Новгороду. Согласно разрядной записи, 6 марта пришло известие, что казанцы ночевали за 10 верст от Нижнего Новгорода, на Ельне (на правой стороне Волги, южнее Нижнего Новгорода). Согласно официальной летописи и разрядной записи, из-под Мурома и Нижнего Новгорода выступила объединенная 5-полковая рать,

которую возглавлял Ф. М. Мстиславский и все муромские и нижегородские воеводы (всего 10 воевод). Они действовали против казанских загонов, настигли казанское войско под Лысковом (60 км вниз по Волге от Нижнего Новгорода), но до боя дело не дошло – казанцы ушли к себе, а воеводы вернулись в Нижний Новгород и Муром.

Согласно официальной летописи и разрядной книге, в августе 1536 г. казанское войско вторглось в Галичский и Костромской уезды. Против них спешно выступили воеводы М. Б. Сабуров и П. В. Засекин. На р. Куши произошло сражение, в котором русское войско потерпело неудачу (воеводы П. В. Засекин и Василий Федорович Меньшик Полев погибли). С этим можно соотнести упоминание в казанской посольской грамоте о походе к Костроме.

За 1536 г. не сохранилось полной росписи «воевод от казанской украины». Но под 1537 г. мы по-прежнему видим воевод в Нижнем Новгороде, Муроме, Мещере, Костромском уезде (Кострома и Плес), Галиче. Только в Унжу и Чухлому воевод теперь не назначали (видимо, управление обороны Галичского уезда было полностью возложено на галичского воеводу). Получила активное развитие практика объединения воевод из городов в полковые рати при контрнаступлении против вторгнувшегося противника.

Согласно казанской посольской книге, к концу 1536 г. казанский хан Сафа-Гирей получил конные отряды от лидера волжских ногайцев Мамай-мурзы (послал своего сына Алея) и астраханского хана Абдул-Рахмана.

Муромская кампания января 1537 г. известна из официальной летописи, казанской посольской грамоты, разрядной книги, Постниковского летописца, Вологодско-Пермской летописи, Нижегородской летописи. В январе в Москву пришло известие, что Сафа-Гирей с казанско-ногайским войском собирается на галичские и костромские места. У Владимира располагалась 5-полковая рать В. А. Микулинского (всего 10 воевод). В Мещере была собрана 5-полковая рать, возглавляемая 2 муромскими (в т. ч. большим воеводой Ф. И. Одоевским) и 4 мещерскими воеводами. 15

января хан появился под Муромом (среди военачальников Вологодско-Пермская летопись называет князя Булата и Чуру Нарыкова). Он три дня осаждал его, расположившись за 2 версты от города. Загоны подходили к Владимиру. К Мурому выступили воеводы Владимирской и Мещерской ратей (Постниковский летописец называет передового воеводу Р. Одоевского и левого воеводу В. Шереметьева Владимирской рати, передового воеводу М. Курбского и правого воеводу М. Кубенского Мещерской рати). Хан пошел назад. При этом казанцами был совершен рейд к Нижнему Новгороду – в ходе 6-часового столкновения были сожжены 200 домов на посаде.

Таким образом, видно, что в системе обороны Казанской Украины зимой 1536–1537 гг. появилась новая составляющая – резервная группировка у Владимира. В условиях перемирия с Литвой как раз можно было выделять необходимые силы для этого. В июле 1537 г. во Владимире были расписаны отдельные воеводы (и там был касимовский хан Шейх-Али). То есть в условиях снижения опасности вместо 5-полковой рати у Владимира оставалась уменьшенная группа, возглавляемая, как и в других городах Казанской Украины, отдельными воеводами.

В сентябре 1537 г. было предписано воеводам из-под Владимира, Муром, Нижнего Новгорода, Коломны, с Угры готовиться собрать судовую и конную рати для весеннего похода на Казань, но мероприятие так и не началось. 29 октября было указано ехать по домам большинству воевод у Муром. Возможно, была распущена часть сил и в других городах.

Зимой 1537–1538 гг. казанские войска совершили набеги по землям Вологодского, Галичского, Костромского уездов, что было отмечено в Псковской летописи (указание на набег на муромские места скорее является совмещением с ханским походом января 1537 г.). О набегах к Костроме и Вологде (подходили за 6 верст к городу) сообщает Вологодско-Пермская летопись. О зимнем набеге до бассейна р. Сухоны (к р. Комела) сообщает Галицкий летописец. О нападении

на Обнорский монастырь в январе 1538 г. сообщается в Житии Павла Обнорского.

В ряде летописных списков походы на этом направлении отнесены к более ранним годам. Однако ни в одном из них эта дата не имеет однозначной привязки. Нет ни одного источника, который одновременно говорил бы о походе осенью или зимой 1537–1538 гг. и осени или зимой 1537, 1536, 1535 или 1534 гг. Не упомянуты крупные набеги на этих направлениях за период осени 1535 – зимы 1537 гг. в казанской посольской грамоте.

Летописное сообщение о приходе в Жиленховскую волость Вологодского уезда 18 января 1536 г. следует отнести к 1538 г. Сообщение Вологодского летописца (в списке Свода 1497 г.) о широком набеге казанцев на галичские места 8 октября 1535 г. следует отнести к 1537 г. (нападению подверглись Унжа, Шишкелево, Большая Пустынь, Чухлома, Глазуново, Галичский посад, а затем Курга, Чермагема, Романцов, Залесье, Чудца, Жилино, Верхний и Нижний Березовцы, Холм Шареев, Слуда, Лосево Рамение, Жохово, Турдево). С этим сообщением соотносится запись Галицкого летописца, что в 7043 (1534) г. «приходили татаровя и черемиса в осень» (тем более, что оно стоит перед сообщением о зимнем набеге в вологодские места, а также соотносит событие с годом постройки Любима). С ним нужно соотнести и сообщение Продолжение Хронографа о набеге на галичские и костромские места зимой 1536–1537 гг. (которое записано между июнем и декабрем 1537 г.). Недатированное повествование Соловецкого патерика о набеге до р. Сухоны, как и сообщение в Житии Корнилия Комельского под 1536 г. о набеге на вологодские земли, следует отнести к зиме 1537/38 г.

Видимо, был набег на галичские и костромские места в октябре 1537 г. и набег на вологодские места в январе 1538 г. Перенос направления нападений на север можно связать с усилением обороны по линии Нижний Новгород – Муром – Мещера. В марте 1538 г. начались переговоры – война прекратилась. Но силы для прикрытия границы продолжали выделяться. Строили пограничные крепости в галичско-

костромской земле (Любим, Жиланский городок).

Война 1540–1542 гг. Согласно официальной летописи, еще в ноябре 1539 г. происходили мирные переговоры – без признаков значительных военных действий. Судя по последующим событиям, зимой Казанская Украина была подготовлена к обороне.

Разрядная книга показывает, что в 1540–1550 гг. продолжала существовать наработанная система расположения сил. Воеводы постоянно находились в Муроме, Мещере (Елатьма), Нижнем Новгороде, Костроме, на Плесе, в Галиче. В ноябре 1542 г. и весной 1550 г. отмечен воевода за городом в Гороховце (можно предполагать, что хотя бы один воевода располагался там постоянно). До 1547 г. под Владимиром в период повышенной опасности находилась 5-полковая рать, а в остальное время – отдельные воеводы. Уже зимой 1540 г. под Владимиром находились подразделения новгородцев. В прошлую войну, когда происходила война с Литвой, такое вряд ли практиковали, а теперь, скорее, это стало постоянной практикой.

Согласно Продолжению Хронографа, примерно в марте 1540 г. казанская рать Чуры Нарыкова стала опустошать волости Костромского уезда. Против них из-под Владимира выступил отряд А. И. Холмского и А. Б. Горбатого-Шуйского. Произошло сражение у Солдоге (село в 15 км от Кинешмы к Плесу, на левой стороне Волги) – казанцев разбить не удалось (в бою, согласно совокупным данным Продолжения Хронографа и вставки в Вологодско-Пермскую летопись, погибли воеводы князя Ф. Курбский, Б. Сисеев, А. Тулупов, В. Замыцкий). Галицкий летописец сообщает о том, что отрядом Чуры Нарыкова 20 сентября 1539 г. был уничтожен недавно построенный Жиланский городок. Видимо, здесь была ошибка в месяце.

16 апреля было указано собраться у Владимира 5-полковой рати В. А. Микулинского (в августе его сменил Ю. М. Булгаков). 6 декабря Владимирскую рать возглавлял Д. Ф. Бельский. Всё это время в ней было 10 воевод.

Муромская кампания декабря 1540 г. освещена в официальной летописи, Продолжении хронографа. 18 декабря казанский хан Сафа-Гирей, к которому присоединились ногайцы, подошел к Мурому. Он располагался там два дня. Казанские отряды доходили до владимирских волостей (тогда, видимо, было совершено нападение на Шую, отмеченную в обобщенном перечислении казанских набегов). Было разорено городище Стародуб-Ряполов (на Клязьме). К Мурому выступили воеводы из-под Владимира. Касимовские татары Шейх-Али действовали против ногайских загонов в Мещере, а затем он также двинулся к Мурому. Сафа-Гирей отступил – его не преследовали.

В феврале 1541 г. воеводы Владимирской рати были распущены по домам. Было назначено по трое воевод в Шую и на Плесе, которые при необходимости должны были объединяться в 5-полковую рать под началом Ф. И. Шуйского. В июне-июле у Владимира собиралась 3-полковая судовая рать И. В. Шуйского (6 воевод), а к Нижнему Новгороду были посланы 3 воеводы с конными людьми. Эти войска должны были наступать на Казанское ханство. Но поход так и не состоялся – 28 июля было указано воеводам из-под Владимира переброситься на Оку.

Согласно Нижегородской летописи, в сентябре или декабре 1541 г. казанский отряд совершил нападение на Нижний Новгород, разбив под городом отряд нижегородских детей боярских. В декабре под Владимиром была сосредоточена 5-полковая рать И. В. Шуйского (10 воевод; татарский царевич). Впоследствии Владимирскую рать возглавлял А. Д. Ростовский (6 воевод; часть полков стояла в Шую и Суздале).

Видно, что с апреля 1540 г. Казанская Украина по линии Мещера – бассейн Сухоны имела сильное прикрытие, и, кроме вторжения большого войска во главе с ханом, глубокие или продолжительные набеги совершать не удавалось. Более уязвимым было северо-восточное направление (граница с Вяткой). В период зимы-лета 1540 г., согласно Вычегодско-Вымской летописи, казанский отряд совершил успешный набег

на Пермь. Возможно, он задел и вятские земли. Осенью 1541 г. или весной 1542 г., согласно Устюжской летописи, казанская рать совершила опустошительный набег на вятские и устюжские земли, а затем повернула назад, возвращаясь по р. Моломе на плотках, увозя захваченный полон. Объединенное вятское войско атаковало это войско, в ходе боя добившись успеха – казанское войско бежало лесами на р. Пижму.

Согласно официальной летописи, в июне 1542 г. начались мирные переговоры. Согласно разрядной книге, в сентябре намечался поход на казанские места 5-полковой рати из Муромы и 5-полковой рати из Галича (по 6 воевод), но он не состоялся. Судя по посольским книгам, ранее осени 1544 г. значительные военные действия не происходили. Но опасность войны сохранялась – постоянно назначались по прежней схеме «воеводы от казанской украины», собиралась группировка у Владимира (сохранились росписи 5-полковой рати с 10 воеводами в ноябре 1542 г., июне 1543 г.).

Война 1545–1546 гг. О начале этой войны можно узнать из Продолжения Хронографа и разрядной книги. В январе 1545 г. была 5-полковая рать у Владимира, Суздаля и Шуи, которую возглавлял И. М. Шуйский (всего 10 воевод). Тогда казанское войско, которое возглавляли Амонак и Чура Нарыков, вторглось во Владимирский уезд (не ясно, каким путем). Была опустошена отчина Пожарских (по реке Нерехта, в 50 км северо-восточнее Владимира). Против них выступил И. С. Воронцов (воевода расположенного у Суздаля полка правой руки). В сражении у «Николы в Дебри» (в 20 км восточнее центра отчины Пожарских – села Троицкого) казанцев разбить не удалось. Из Муромы выступил первый воевода А. В. Горбатый-Шуйский. Он дошел до Гороховца (низовья Клязьмы), мимо которого прошел Амонак (где был убит в схватке с местными жителями – если это точные сведения, а не слухи).

Согласно официальной летописи, весной был совершен русский набег к Казани, после чего военные действия притихли на фоне внутреннего конфликта в Казани. В

январе 1546 г., после свержения Сафа-Гирея, произошло фактическое примирение.

Война 1547–1551 гг. В этой войне уже резко преобладали русские наступательные действия – война началась с крупного русского набега в феврале 1547 г. (описанного в официальной летописи и разрядной книге). Но случались и казанские набеги. Согласно официальной летописи и Продолжению Хронографа, в сентябре 1548 г. на Костромские места приходил крупный отряд Арак-батыра. Воевода с Костромы З. П. Яковлев сошелся в бою с этим отрядом в волости Верхний Березовец, на речке Езовке, на Гусевом поле (Галичский уезд). Арак был убит (если это были не слухи). Согласно Продолжению Хронографа, в марте 1549 г. небольшой отряд князя Мамазера совершил рейд в Муромский уезд. Из-под Муромы выступил воевода П. М. Щенятев. За Кудьюмою (правый приток Волги, 15-20 км южнее низовий Оки), на Костянтиновском поле, с казанцами произошло сражение – было объявлено о гибели Мамазера.

Опасность казанских набегов сохраняла сформировавшуюся систему обороны. В июле 1547 г. еще значатся четверо воевод во Владимире. Затем, в условиях активизации русского наступления на Казань, эта резервная оборонительная группировка потеряла значение. В июле 1548 г. 5-полковая рать с 10 воеводами уже располагалась у Муромы (в июле 1549 г. – с 5 воеводами; а весной 1550 г. в Муроме было только три воеводы). В марте 1549 г., после известия о смерти Сафа-Гирея, было указано собрать у Нижнего Новгорода 5-полковую рать (5 воевод). Появилась практика направлять пограничных воевод в рейды на неприятельскую территорию: в декабре 1548 г. два воеводы у Муромы должны были совершить рейд в казанские места, в июне 1549 г. – два воеводы из Нижнего Новгорода. В 1551 г., когда была присоединена Горная сторона Казанского ханства, записей о «воеводах от казанской украины» уже нет.

Источники по указанным войнам не открывают многие вопросы. Так, почти ничего не известно о военных действиях в Вятском крае. Учитывая, что с 1545 г. в волжских походах «вятчан» участвовали

устюжане, двиняне, зыряне, важане, пермяки⁹¹, а также встречались упоминания мобилизации устюжан на оборону Вятки в 1531/1532 г., можно полагать, что эти ратники регулярно привлекались к обороне Вятского края. Мало известно о набегах русских подданных, не связанных с указами из Москвы. Можно предполагать нападения со стороны «вятчан». Посольские книги в шаблонной форме говорят о нападениях русской мордвы. Мещерские татары в 1520–40-е гг. вели набеговые войны против ногайцев, о чем сохранились сведения из ногайских посольских книг⁹². В официальной летописи можно увидеть один выше приведенный пример действия «городецких казаков» со стороны Поля против казанцев: успешная блокада 500 казаками весной-летом 1536 г. степных коммуникаций Казанского ханства. Можно предполагать, что касимовцы осуществляли набеги на казанцев, подобно набегам на ногайцев.

---

⁹¹ *Комаров О. В.* Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. Т. VI. 2014. С. 9-10. (дата обращения: 17.09.2014)

⁹² *Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 39, 48, 55.

Библиография

Источники:

- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 1. М., 1997.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 2. М., 2002.
- Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 4. М., 2008.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- Доронин П. Г.* Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257-271.
- Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. Сб. статей. 1984 г. М., 1984. С. 187-218.
- Мустафина Д.* Послание царя Казанского // Эхо веков, № 1/2. 1997. С. 26-34.
- ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848.
- ПСРЛ. Т. 8. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. Л., 1959.
- ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497. Летописный свод 1518. Л., 1963.
- ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.
- ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.
- ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977.
- Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887.
- Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.
- Шмидт С. О.* Продолжение хронографа редакции 1512 года. // Исторический архив. Т. 7. М.–Л., 1951. С. 254-299.
- Литература:**
- Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
- Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.
- Бахтин А. Г.* XV–XVI вв. в истории марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
- Гасицкий А. С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.
- Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М., 2006.
- Каргалов В. В.* На степной границе. М., 1974.
- Комаров О. В.* Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. Т. VI. 2014.
- Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905.
- Кусаинова Е. В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005.
- Несин М. А.* Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. № 7. 2015. С. 116-120.
- Несин М. А.* К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. X. 2019.
- Спицын А. А.* Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883.
- Шмидт С. О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 187-257.

Сведения об авторе

Комаров Олег Владимирович, участник Проблемного совета при Государственном Историческом музее, г. Москва (Россия). Область научных интересов: русская военная история XI–XVI вв.

E-mail: oleggg888@yandex.ru

O. V. Komarov

CHRONOLOGY OF THE KAZAN RAIDS OF 1521–1549

Annotation: The article discusses the information about the raids by the Kazan Khanate in 1521–1549. A generalization of heterogeneous sources on these events has been made. A chronological reconstruction is proposed.

Keywords: The Russian state, the Kazan Khanate, razryad (rank) books, local chronicle, embassy books.

References

Sources:

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. [Acts of service landowners XV – early XVII century]. Vol. 1. Moscow, 1997. (In Russian)

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. [Acts of service landowners XV – early XVII century]. Vol. 2. Moscow, 2002. (In Russian)

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka. [Acts of service landowners XV – early XVII century]. Vol. 4. Moscow, 2008. (In Russian)

Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya. [The contribution book of the Trinity-Sergius Monastery]. Moscow, 1987. (In Russian)

Doronin P. G. Vychevodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) letopis' [Vychevodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) chronicle]. Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR. Iss. 4. Syktyvkar, 1958. (In Russian)

Koretskii V. I., Morozov B. N. Letopisets s novymi izvestiyami XVI – nachala XVII v. [Chronicler with the recent news of the XVI – early XVII century]. Letopisi i khroniki. Sb. statei. 1984 g. Moscow, 1984. Pp. 187-218. (In Russian)

Mustafina D. Poslanie tsarya Kazanskogo [The Message of the Tsar of Kazan] // Ekho vekov, No. 1/2. 1997. (In Russian)

PSRL. Vol. 4. Novgorodskie i pskovskie letopisi. St. Petersburg, 1848. (In Russian)

PSRL. Vol. 8. Letopis' po Voskresenskomu spisku. Moscow, 2001. (In Russian)

PSRL. Vol. 13. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian)

PSRL. Vol. 26. Vologodsko-Permskaya letopis'. Leningrad, 1959. (In Russian)

PSRL. Vol. 27. Nikanorovskaya letopis'. Sokrashchennye letopisnye svody kontsa XV v. Moscow, 2004. (In Russian)

PSRL. Vol. 28. Letopisnyi svod 1497. Letopisnyi svod 1518. Leningrad, 1963. (In Russian)

PSRL. Vol. 29. Letopisets nachala tsarstva. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'. Moscow, 1965. (In Russian)

PSRL. Vol. 34. Postnikovskii, Piskarevskii, Moskovskii i Bel'skii letopistsy. M., 1978. (In Russian)

PSRL. Vol. 37. Ustyuzhskie i Vologodskie letopisi. Leningrad, 1982. (In Russian)

Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [Razryad (rank) book of 1475–1598]. Moscow, 1966. (In Russian)

Razryadnaya kniga 1475–1605. [Razryad (rank) book of 1475–1605]. Vol. 1. P. 2. Moscow, 1977. (In Russian)

Sb. RIO [Coll. of RIO]. Vol. 59. St. Petersburg, 1887. (In Russian)

Tikhomirov M. N. Kratkie zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyakh Moskvyy. [Brief notes on the chronicle works in the manuscript collections of Moscow.] Moscow, 1962. (In Russian)

Schmidt S. O. Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda [Continuation of the Chronograph edition of 1512]. Historical archive. Vol. 7. Moscow; Leningrad, 1951. (In Russian).

Researches:

Alekseev Y. G. Pokhody russkikh voisk pri Ivane III [Campaigns of Russian troops under Ivan III]. St. Petersburg, 2009. (In Russian)

Ankhimiyuk Y. V. Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov [Private “razryad” books with the records for the last quarter of XV – beginning of XVII centuries]. Moscow, 2005. (In Russian)

Bakhtin A. G. XV–XVI vv. v istorii mariiskogo kraya [XV–XVI centuries in the history of the Mari region]. Ioshkar-Ola, 1998. (In Russian)

Gasitskii A. S. Nizhegorodskii letopisets [Nizhny Novgorod chronicler]. Nizhny Novgorod, 1886. (In Russian)

Zaitsev I. V. Astrakhanskoe khanstvo [Astrakhan Khanate]. Moscow, 2006. (In Russian)

Kargalov V. V. Na stepnoi granice. [On the steppe border]. Moscow, 1974. (In Russian)

Komarov O. V. Ratnye lyudi Pomorskih gorodov vt. pol. XVI – nach. XVII vv. [Military people of the Pomeranian cities of the second half of XVI – early XVII centuries]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VI. 2014. (In Russian)

Kuntsevich G. Z. Istoriya o Kazanskom tsarstve ili Kazanskii letopisets [The story of the Kazan Kingdom or the Kazan Chronicler]. St. Petersburg, 1905. (In Russian)

Kusainova E. V. Russko-nogaiskie otnosheniya i kazachestvo v kontse XV–XVII veke. [Russian-Nogai relations and the Cossacks at the end of the XV–XVII century]. Volgograd, 2005. (In Russian)

Nesin M. A. Pokhody kazanskikh tatar na Nizhegorodskie zemli v 1535–1536 gg. [The campaigns of the Kazan Tatars on the Nizhny Novgorod lands in 1535–1536]. Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. No. 7. 2015. (In Russian)

Nesin M. A. K istorii moskovsko-kazanskikh otnoshenii 1535–1540-kh gg. Chast' 1. Krymskii faktor, pokhody kazantsev na russkie zemli 1535–1549 gg. [On the History of Moscow-Kazan relations of the 1535–1540s. Part 1. The Crimean factor, the campaigns of the Kazan people to the Russian lands of 1535–1549]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. X. 2019. (In Russian)

Spitsin A. A. Svod letopisnykh izvestii o Vyatskom krae [A set of chronicle news about the Vyatka region]. Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1884 g. Vyatka, 1883. (In Russian)

Schmidt S. O. Predposylki i pervye gody “Kazanskoj voiny” (1545–1549) [Background and the first years of the “Kazan War” (1545–1549)]. Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 6. Moscow, 1954. (In Russian).

About the author

Komarov Oleg V., member of the Problem Council at the State Historical Museum, Moscow (Russia). Research interests: Russian military history of the XI–XVI centuries.

E-mail: oleggg888@yandex.ru.